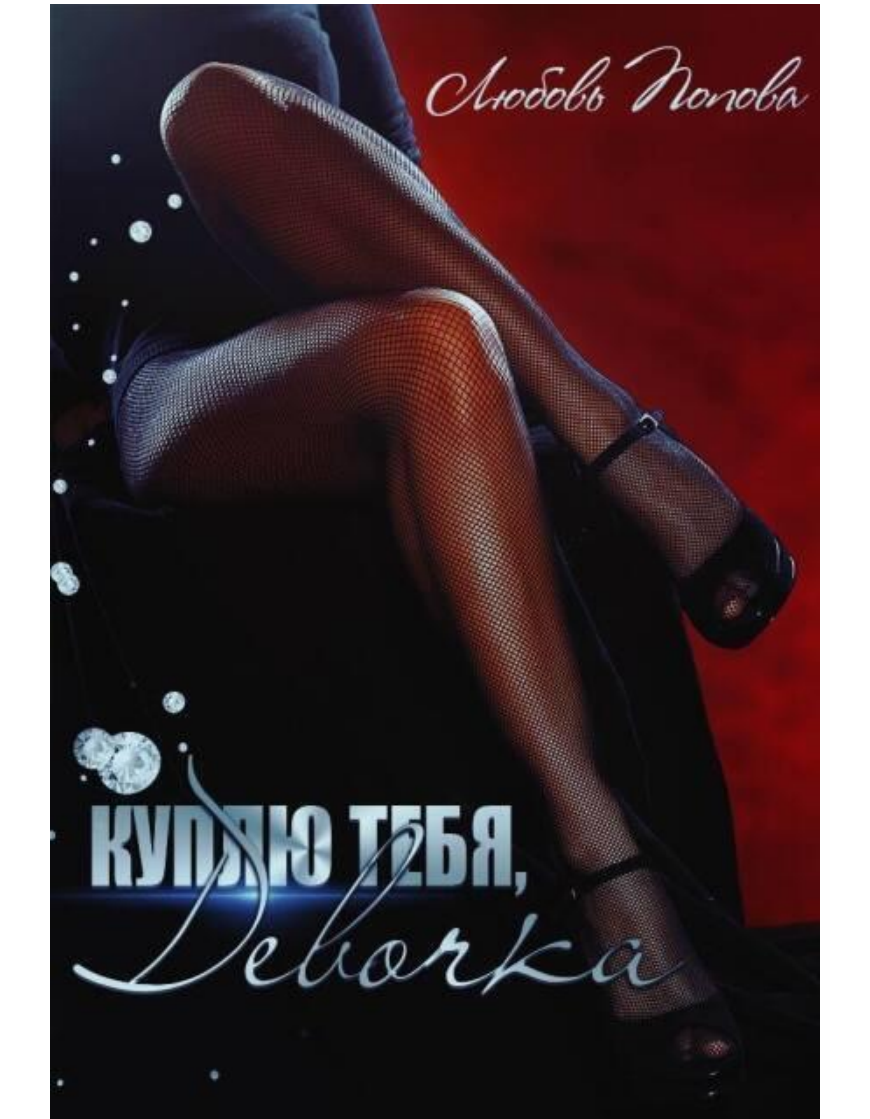

A close-up photograph of a woman's legs, wearing sheer fishnet stockings and black high-heeled sandals. The legs are crossed at the ankles and positioned diagonally across the frame. The background is a solid, vibrant red. The lighting is dramatic, highlighting the texture of the stockings and the contours of the legs. In the bottom left corner, there are several small, white, diamond-like sparkles.

Любовь Никова

КУПЛЮ ТЕБЯ,
Девочка

Любовь Попова

Куплю тебя, Девочка

<https://litres.ru/74320458>

Аннотация

♥#Она его проблема. Лишняя деталь в механизме, что готовит его к большому политическому будущему. Но что делать, если не унять похоть, пожирающую, стоит к ней прикоснуться. Что делать с голодом, который он читает в глазах этой идеальной девочки с неидеальным прошлым? Забыть? Купить? Или... полюбить?

#Откровенный секс, ненормативная лексика.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	18
Глава 4.	26
Глава 5.	33
Глава 6.	39
Глава 7.	46
Глава 8.	55
Глава 9.	62
Глава 10.	68
Глава 11.	75
Глава 12.	83
Глава 13.	90
Глава 14.	95
Глава 15.	102
Глава 16.	109
Глава 17.	120
Глава 18.	126
Глава 19.	133
Глава 20.	140
Глава 21.	148
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Глава 1.

Глава 1.

Амстердам. Полночь

— Сколько, детка, сколько ты стоишь?!

Биты громкой музыки долбят по мозгам, как выкрики обезьян. Мелодии неслышно. Так что приходится придумывать её самой и двигаться. Двигаться. Двигаться.

Если не двигаться, то можно умереть. Это я усвоила ещё с детства. Так что вперёд, Аленка, ноги пошире. Покажи этим пьяным скотам на что способно твоё тело.

Пусть пускают слюни и завидуют шесту, который ты так тесно обнимаешь ногами. Трешься об него. Гладишь руками, крепко держа пальцами. И крутишься, крутишься.

Взгляды мужчин стали просто фоном моей никчемной жизни. А их лица похожи на морды бультерьеров со свисающими густыми слюнями. И мне противно находиться здесь, вилять жопой, трясти сиськами. Делать все то, что им так нравится. Танцевать полуголой, словно кусок мяса перед сворой голодных кобелей.

Честно?

Устала быть предметом влажных фантазий. Никогда и не желала.

Порой хочется себя изуродовать. Порезать лицо, обкром-

сать светлые волосы, наделать на теле шрамов, или стать толстой. Все что угодно, чтобы хоть немного снизить градус их внимания.

Но я слабая. Мне смелости не хватает. Столько брала раз ножницы. И для этого. И для того, чтобы покинуть эту дерьмовую жизнь, где я никто. Даже сейчас, провожаемая со сцены шквалом аплодисментов и свиста.

Никто.

В примерке легче, здесь девушки. Заняты. Но вечер ещё не закончен. Похотливым самцам все мало. Они захотят посмотреть на танцы в более приватной обстановке. Провести ночь с красивой девочкой, чтобы потом вернуться к своим примерным женам, которые искренне верят, что сперма их мужчин расходуется строго по расписанию.

Я не строю из себя ничего особенного, но пока есть шанс не идти по этому пути... Не буду. Не хочу. Не могу, черт возьми!

Но судя по лицу забежавшего администратора Дины, скоро мои желания перестанут иметь значения.

— Марсело уже здесь. Требует тебя, Лина...

— Не пойду. У меня есть еще два дня, чтобы найти деньги, — выдаю я и переодеваюсь в то, что никогда не выдаст мою профессию. Джинсы, кеды, пуловер.

Девочки смотрят сочувствующие, но что мне от этого толку.

Лучше бы двести штук дали.

— Опять веришь в сказки? Сходила бы лучше в приват. Тебя там парень спрашивал. Красивый, как Бог. Такому и бесплатно дать не грех, — рассказывает зашедшая Каталина, путана со стажем и весьма позитивным отношением к жизни.

— Что мне толку от пяти ста фунтов?

— Тогда зачем бегать, иди к Марсело, — пожимает плечами чернокожая Марго.

Отворачиваюсь и смотрю на себя в зеркало. Нет. Никогда. Только не стоять на улице. Не могу... Не хочу так закончить...

— Если она встанет на улице, с её внешностью у девок не останется работы, — усмехается кто-то. — Она всех клиентов заберет.

— Марсело не даст тронуть товар.

— Он не всегда сможет быть рядом.

Товар. Это именно то, чем я стала. Давным-давно. И только внешность и большая грудь при тонкой от природы талии позволили мне продержаться до восемнадцати невинной.

Но удача меня покинула.

Меня продали на аукционе за пол миллиона фунтов одному богатому извращенцу Роберто. Потом Марсело, мой хозяин и организатор онлайн торгов, нашел мне следующего клиента. Он тоже был вполне хорош собой, но фотографии на стенах очень ясно дали понять, что меня ждет. Боли я боюсь больше торговли собой.

Я сбежала.

Долго пряталась. Но разве спрячешься от крысы, которая

знает все подворотни. Он вернул деньги и теперь требовал их с меня.

Так что, либо нахожу бабки, либо на год встаю в ряд уличных шлюх. Работая за еду и кров.

Учитывая конкуренцию, мне действительно недолго останется жить.

— Слушай, давай с нами. Там мальчишник. Твой красавчик тоже там, — возвращает меня в дерьмовую реальность Каталина и, тряхнув рыжиной, подмигивает. — Может он на двести раскошелится?

Ага... Где ж такого дурака -то найти?

— Я лучше снова попытаю счастье на вокзале. Вдруг удастся сесть на поезд, — качаю головой.

— Без документов?

— Сяду в грузовой.

— В прошлый раз тебя сняли через станцию и избили.

— А в этот раз мне повезет! — кричу я, потому что не могу. Не могу смириться. — Я не хочу стать такой....

Замолкаю под осуждающими взглядами женщин, большинство которых даже не знают своих настоящих имен. Мне становится стыдно, но я горжусь тем, что помню свои корни.

Я знаю, кто я. Я русская. Я Алена. Я человек, а не товар.

— Ты не лучше нас! Такая же шлюха, — резко выговаривает Марго, — и я жду не дождусь, когда тебя спустят с пьедестала и начнут не беречь, а пользоваться во все щели.

— У тебя они такие растряханные, что желчь вытекает, —

усмехается Каталина.

— Заткнись!

— Сама закрой рот!

Сказать мне на это нечего. Слушать перепалку этих двоих наскучило.

Хватаю сумку, заработанные за вечер копейки и ухожу через заднюю дверь.

Ночь встречает меня иллюминацией, словно смеющаяся над моей бедой. Гнилостным запахом помойки и тусклым светом одного фонаря. От него отлепляются две крупные фигуры и почти сразу оказываются передо мной. Амбалы Марсело, Дарис и Ричард. Их шеф слишком жирный, чтобы передвигаться так быстро.

— Детка. Лина. Марсело тебя ждет.

Они приближаются почти вплотную, и я морщусь. Дыхание, как в парижском стояке. Хочу рвануть в сторону, но огромная лапа хватается меня за локоть.

— Но мы можем сказать, что ты сбежала, — они переглядываются. Давно ждали возможности меня прижать. — Поговаривают, у тебя очень глубокая глотка. Отсосешь, отпустим.

От его волнообразных движений бедрами меня мутит.

— Боюсь, меня стошнит, как только ты вытащишь свой корнишон.

Оплеуха была вполне ожидаемой, но я все равно дергаюсь. Пытаюсь трясти головой от звёзд в глазах.

— Ты слишком дерзкая для шлюхи. Пора научить тебя общаться с клиентами.

— У вас денег не хватит на такую покупку, — сплевываю слюну с кровью.

— А мы не будем покупать, — кто-то из них глумится, пока я еще прихожу в себя...

Волосы в кулаке, но эти уроды тоже знают обо мне не все. Иначе я бы давно стала мясом, которое просто ловят и трахают в подворотне.

Одна рука свободна, так что я нахожу нож в кармане кофты, и рукояткой бью одному в глаз. Другому локтем под ребра. Головой в нос.

Хруст и стон звучат в тишине музыкой. Но второй уже хватает меня за лодыжку, как вдруг мужской незнакомый голос:

— Лина? Смотрю, тебе нужна помощь?

Не знаю кто это, но нога стала свободной, и я тут же рванула. Убежала в сторону остановки.

Спать буду в автобусе. Ночью в мою комнату точно нагрянут обозленные гости. С утра заберу остатки вещей и попробую уехать. Снова.

— Стой! — мужской оклик напрягает, и я ускоряю шаг. Чтобы выжить, нужно двигаться. И постоять за себя. К сожалению — это не всегда работает. Но по крайней мере пока спасает меня.

— Стой же ты! Лина! — голос приближается, как и топот

его ног.

Черт! Я после трёх часов танца вообще никакая. Неужели опять придется отбиваться?

— Да остановись ты! — настагает голос у уха, и я запинаясь о тротуарный бортик. Мой поцелуй с асфальтом обрывает рывок руки. Я с визгом замахиваюсь. Незнакомый, темноволосый парень отбивает удар и борзо подтягивает меня к себе за кофту. Прижимается грудью, и я с отвращением понимаю, что у него стоит. А я в сравнении с ним карлик, стояк упирается в поясницу. Кричать бессмысленно, но я все равно открываю рот, но звук глушит широкая, теплая ладонь.

Я часто дышу, вдыхаю запах виски, ментола и чего-то трудно различимого, мужского. Непротивного. Так пах Роберто, так пахнет богатый мужчина. Так пахнет свобода.

— Отпускаю... — его губы у виска. Голос с акцентом. Не могу понять, из какой он страны. — Не кричишь. Не бежишь... Лады?

Такой наивный? Ну ладно, послушаем.

Киваю и он отпускает меня.

Повернувшись, взмахиваю светлой шевелюрой и убираю ее с глаз. На мгновение даже застываю.

Кто там говорит про сказки?

Высокий, широкоплечий, красивый черт с резкими чертами лица и острым взглядом. У таких лучший друг штанга, а в штанах ожидаешь закат. Такого мечтает встретить каждая путана. Хотя бы клиентом. Потому что этот точно под-

мывается. Да и одежду носит не последнего бренда. Такие по шлюхам не ходят. Девки и сами готовы им заплатить.

— Фак, ты вблизи ещё лучше, — выдает он на одном дыхании, пока я сама его рассматриваю. И это дает мне возможность очнуться и начать огрызаться.

— Говори, что хотел, я спешу.

— К клиенту?

— Что? — хотя, чего это я спрашиваю? Кем ещё он мог меня посчитать.

— Да, очень богатому клиенту, — расправляю плечи.

— Я удвою сумму за ночь. Поехали ко мне.

Глава 2.

Смотрю на него в недоумении. Мне почему-то смешно. Хочется в голос, но я уже и забыла, что такое даже улыбаться.

Этот парень погнался за шлюшкой, ведёт с ней переговоры? Это можно объяснить великой внезапной любовью как в сказке, либо...

— Ты под кайфом?

Судя по всему, да, его слегка шатает и белки глаз с красными прожилками.

— Ну, — он неловко ухмыляется. — Немного виски, дорожка кокса, много твоей чарующей красоты и фантазий о том, что можно делать с твоими...

Тут он запинается и щелкает пальцами, словно вспоминая слово.

— Грудью? — подсказываю, но он перебивает.

— Сиськами, — говорит он по-русски и тут же исправляется на английский. — Грудью, да. Да! Так ждал, что ты лифчик снимешь. Потом в приват за тобой пошел. Парни взяли твоих подружек, а я вот за тобой. Чтобы не скучала...

Он еще нес какую-то чушь про то, что я ему напоминаю кого-то, а я лишь смотрю на то, как двигаются его губы, и осознаю... Медленно... Как больно осознает человек, только что упавший.

Русский.

Он русский. Ещё и богатым себя считает. Или не просто считает?

Ком застревает в горле, и я трясущимися руками заправляю волосы за уши. Сглатываю от страха, такого, когда вот-вот и тебя накажут хлыстом, чтобы доказать, что ты вещь...

Думаю. Думаю...

Если он такой романтичный, может он и есть мой шанс, который я так долго ждала.

— Тебе не по карману, — как там учили. Набить себе цену? Терять мне нечего, иду Ва-банк.

— Ты плохо знаешь мой карман, — ухмыляется он, и словно ждет, что я расплывусь в дебильной улыбке. Сяду на колени и начну отсасывать? — К тому же с утра может ты и сама захочешь мне заплатить.

Он играет мускулами груди, но я не двигаюсь. Оцениваю варианты развития событий. На что я готова, чтобы не быть уличной проституткой. На что я готова, чтобы обрести свободу. Готова ли продать себя первому встречному? Или раньше не стоял вопросы цены.

Я не верю в сказки. А вот в тупых мужиков, готовых прощаться с огромным баблом ради шлюх, очень даже.

— Сколько? — начинает он лезть в карман. Достает пару купюр, которые я и в глаза-то никогда не видела. — Штука?

— Это только, чтобы посмотреть, как я раздеваюсь, — включаюсь в игру, хотя страшно. Он довольно крупный. Решит изнасиловать, придется биться на смерть. Я уже два раза

в больнице лежала. Посматриваю по сторонам, пока он перемаривает, продолжая рассматривать мое лицо. Мне хочется прикрыть его ладонями, чтобы оно так не пылало.

Он хмурится, потом хочет протянуть руку, коснуться щеки, но я с размаху шлепаю его. Вот еще. Пусть заплатит сначала.

Он хмурится, выгибает бровь.

— А может так? По-дружески. Я же понравился тебе?

Какие мы проникательные. И наглые.

— Кушать мне нравится больше.

Он стискивает челюсти и уже выпрямляется, достает пачку покрупнее.

— Ладно, — судя по всему, я хожу по краю, потому что он теряет терпение. Раздраженно: — Пять? Десять штук?

— Я шла к клиенту, который заплатит мне двести тысяч фунтов, — отшагиваю, он наступает. — Уверен, что сможешь перебить цену?

Вздрагиваю, когда он начинает хохотать.

Его смех разливается по пустой автостоянке и приятными волнами проникает в сознание. Хороший такой смех, мужской, искренний. Наверное, только так и могут смеяться русские люди.

Пытаюсь очухаться от гипноза и дергаюсь, когда его лицо оказывается в пару сантиметров. Снова вдыхаю смесь запахов алкоголя и богатства.

— Ты ходишь в порванных кроссовках, украденной муж-

ской кофте, но утверждаешь, что тебе платят двести штук. Я похож на идиота?

Ну... учитывая, что все еще здесь. Похож.

— Не я бежала за тобой, — пожимаю плечами. Последний шанс на свободу. Повезет ли? Собираюсь развернуться, но его длинные, с ровными отполированными ногтями пальцы больно впиваются в плечо.

Расслабляться нельзя. Если что, врежу с ноги по уху. Растяжка хорошая. Дотянусь.

— Ты хоть представляешь, что ты должна уметь за такие бабки? И сколько раз это делать?

— Тебе виднее.

Дергаюсь, но он подтягивает ближе, рассматривает лицо, мажет взглядом по губам. Я невольно их приоткрываю, чтобы облизать. Становится не по себе. Потому что, кажется, ему жизненно необходимо меня трахнуть, а мне жизненно необходимо получить за это деньги.

— Хочешь, чтобы я заплатил четыреста штук за шлюшку? — невольно киваю. Мне нужны эти деньги. Половина, чтобы отдать Марсело, и еще... Чтобы жить. Выжить. — Тебе придется сосать мне всю ночь. Глубоко и качественно.

Хочу отвернуться, но другой рукой он сжимает щеку.

— На меня смотри. Тебе придется глотать литры спермы. Подставлять задницу и пи*ду по очереди. Тебе придется терпеть боль, если захочу тебя избить и придушить. Даже если захочу порезать и перевязать как мясо!

— Плати бабки, — мутит меня от всего вышесказанного.
— И можешь делать со мной все, что пожелает твоя извращенная душонка.

— Без презерватива, чтобы кончать в тебя, — тут же ставит он новое условие. Я мешкаю. Меньше всего я хочу залететь. Но меня так часто били в живот, что максимум, что получу от него — это сифилис.

— Ладно. Кончай, куда хочешь.

— Еще я могу тебя поцеловать, — выдыхает он и даже вытаскивает свое жало, но что я отклоняюсь. Не скажешь же ему, что я никогда не целовалась.

— Кто целует проституток? — смеюсь, но резко замолкаю. Хочу ли я его поцеловать? Крутится вопрос и жидким металлом стекает по груди вниз живота. В конце концов мне какое дело? — Могу даже за ручку тебя подержать, как подружка детства и обменяться клятвами. На что ты там еще дроишь.

— И все это до утра. Пока я не усну.

— Деньги наличными. Сразу.

— Сейчас найдем банкомат и снимем, но отдам в номере отеля. По рукам, Лина?

Его имя меня не интересует.

Мне становится страшно от того, на что я согласилась. То, что он со мной проделает, и в кошмарном сне мне не приснится. Хотя, как это все делать в теории, я знаю на отлично.

— Ну?! — злится парень, а я мнусь. Риск был. Но лучше

помучаться ночь под извращенцем и получить свободу, чем потерять себя окончательно. Верно? Верно же?

— По рукам... И не трогай меня, ты еще не заплатил.

Он вдруг ухмыляется. Достает бумажку и пихает мне в карман. Затем просто подтягивает к себе ближе. В кулаке стискивает кофту, не давая вырваться.

— Что ты...

— Это за поцелуй. Для начала, — хрипит он и накрывает мой рот губами, бесцеремонно проталкивая язык внутрь.

Глава 3.

Мне приятно?

Не знаю. Странно, когда копаются языком в твоём рту. Он там как будто клад ищет... С другой стороны, его губы... Пухлые, мягкие, руки не делают больно. Пахнет он приятно.

Но надо это остановить, иначе он меня прямо здесь зава-лит.

Без денег... И судя по размеру члена, что тычется в живот, может и порвать.

Приходится напомнить ему о договоре. Коленкой. Ну и язык прикусить.

— Вот же сука, — давится он болью и гневно на меня посматривает. Выдыхает и разворачивается, показывая го-ловой направление.

Я, немного приободрившись своим преимуществом, и все еще чувствуя его вкус, иду за ним.

Парень забавно ковыляет в сторону мигающего огнями ближайшего круглосуточного банка.

Там в банкомате он постепенно снимает несколько пачек денег.

Долго думает, что с ними сделать. А я только и смотрю на бумажки, которые являются гарантом моей свободы. Без-опасности. Жизни.

Они притягивают магнитом, их запах волнует кровь, и я

неосознанно поднимаю руку. На этот раз клиент шлепает меня.

— Эй!

— Даже не думай. Пока не отработаешь, не отдам

— Если мы так и будем стоять в этом районе, то отрабатывать эти деньги придется уже тебе. Здесь больше любят сладких мальчиков.

— Ты, конечно, меня бросишь на съедение меньшинствам, — усмехается он, проводя последнюю операцию. Сумма-то немаленькая.

— Конечно, — он думал, я буду рисковать своей задницей?

И словно по заказу слышу свист... Доигрались.

Парень оглядывается, видит вдалеке нескольких головорезов. И я хмыкаю. Судя по виду, он умеет только поднимать штангу. А на улице надо быть резвым.

— Накаркала же, — выдает он на русском, и я пытаюсь понять, что это значит. — Что смотришь? Давай свой рюкзак. Я не в том состоянии, чтобы драться и тебя защищать.

— Ты о себе позаботься, за меня не надо волноваться.

Пока сзади слышен топот ног, а сердце заходится от страха, он срывает с меня рюкзак и начинает пихать туда деньги.

— Пока не оттрахаю за четыреста штук, ты моя. Так что...

— Что? — выдыхаю, ошеломленная, что моя драная сумка набита деньгами.

— Пригнись! — крик, свист и над головой летит нога. Мой

клиент бьет одного из лысых придурков, так что те валятся как кегли.

Парни Марсело?

Еще секунду назад я на них смотрела, а теперь бегу, держась за руку незнакомца, по улице. Быстро, чтобы парни сзади отстали, и думаю, что вырвать сумку у этого богатенького не составит труда.

Но я мешкаю. Это странно вот так бежать по улице с кем-то. Вместе. За руки. словно мы не просто клиент и проститутка, а приятели. Друзья. Что же такое — эти самые друзья? Да и бывают ли они?

Хватит выдумывать, Алена. В твоём мире существуют только деньги, и прямо сейчас ты можешь вырвать сумку и убежать в другую сторону. Облегчить себе жизнь, с совестью разберёшься позже.

И я даже тянусь за деньгами, почти касаюсь рюкзака, но вдруг, резко с глухим стоном врезаюсь в твёрдую спину.

- Ох, черт, больно же, — тру ушибленное место. Парень тут же вскидывает руку.

Сразу тормозит такси, и мы влезает в него ровно за мгновение до того, как в стекло врезаётся вражеская ладонь.

— Веселитесь ребятки? — усмехается водитель и даёт по газам.

— А чем ещё заниматься в эту прекрасную ночь, да, Лина? — хватает он меня за прядь волос, но я вырываюсь. Забиваюсь в угол машины.

— Ой... — фыркает и резко наклоняется, надавливая на бедро. — Скоро ты перестанешь так себя вести и будешь очень послушной сучкой.

Жди...

— Вас куда?

— Отель Crane Faralda

Мне хочется присвистнуть, потому что в этом отеле остаются только звезды.

— Впечатляет? — усмехается этот придурок и снова подсаживается ко мне. Надо вести себя естественно. Не хватало, чтобы он подумал, что я не опытная. — Признайся, я тебе нравлюсь.

Его сдавленный голос проникает под кожу, жжет внутренности, но я стараюсь казаться независимой.

— Деньги мне нравятся больше...

Он хмыкает и разваливается напротив. Так же прислонившись затылком к стеклу окна. И продолжает пялиться. Смотреть на меня.

А я на него. Хочу отвернуться, но не получается. Продолжаю разглядывать то, как свет уличного фонаря сменяет тень на его вылепленном из камня лице...

Ему бы в актёры. С такой-то харизмой. С таким разворотом плеч. Даже интересно, так ли все под одеждой, как кажется. Идеально.

Хотя хищники тоже прячутся за красивым фасадом. Гниль может скрываться везде.

А что он такое?

Рассматриваю лицо, ямочку на подбородке, короткие — под ежик — волосы.

— Даже имя не спросишь, — накрывает он мою руку на сидении и не дает вырваться.

— Зачем забивать голову лишней информацией? Ты име-
на всех шлюх помнишь?

— Я не трахаю шлюх. Обычно...

Комплимент... О, боже. Аплодисменты!

— Да, ты почти девственник... — смеюсь я, но горло стя-
гивает обидой. Внутри ком.

— Ты нет.

— Нет, — хотя знаю много уловок, как доказать обрат-
ное. В гареме рассказывали, что после изнасилований, дабы
не быть поруганными, они толкали себе мешочек из кишки
рыбы с кровью. При давлении члена он лопается, таким об-
разом доказывая, что невеста чиста.

— Приехали, — слышим голос водителя и вздрагиваем.
Клиент платит и вытаскивает меня наружу.

— Я могу сама.

— Чтобы не сбежала.

— Без денег? — фыркаю и иду впереди него, но оказав-
шись в холе отеля, замираю. Огромная люстра, сверкающая
камнями, свисает прямо надо мной. А по потолку кажется,
что летают вылепленные, пузатые херувимы. И мне так хо-
чется верить, что я пришла сюда как гостя, а не просто от-

работать ночь.

Но... Реальность сурова. Но я должна радоваться. Сегодня мне повезло.

Мы проходим через холл, по красным коврам, сразу к лифтам. Бросаю взгляд на клиента. При свете он кажется еще красивее, а в темных волосах мерцают красные искры.

Он вдруг заталкивает меня за круглую колонну возле лифтов и тут же я слышу пьяный голос:

— Ник! — могу высмотреть только модные кеды, джинсы, серую рубашку. И разит от него. Чувствую даже здесь.

Ник... Это Николай? Никита? Ник?

— Ну ты где бродишь! Там такие девочки, закачаешься, — выдает он и делает бедрами вполне определенные движения. — Жаль та блондинка с сиськами отказалась. Ух я бы её.

Значит и правда искали. А там в номере девочки со сме- ны. Радует, что сегодня они проведут ночь не в клоповнике.

— Ты давай, иди, — кивает Ник, но как-то серьезно. — Я сейчас в душ и присоединюсь.

Врет? Но друг верит, рассказывает, как просунул одной из девочек в рот и уходит. А Ник хватает меня за руку и заталкивает в зеркальный лифт.

Тут отворачивайся, не отворачивайся. Все равно смотреть придется на него.

И воздуха становится все меньше, а дыхание чаще.

Клиент уже в неадеквате, шагает на меня. Встаю лицом

к двери. Он рядом, снова тянет волосы и кончики к лицу прижимает.

Этот жест тоже мне кажется странным. Даже его взгляд, которым он буквально душу выворачивает, тоже другой. Так на шлюх не смотрят.

И именно сейчас мне очень важно помнить, что сегодня в неадеквате он, а я просто пришла заработать себе на свободу.

— Что ж ты меня с другом не познакомил? — нарушаю затянувшееся молчание, и как раз открывается дверь лифта.

Мы оказываемся в пентхаусе. Надо признать, вид из него потрясающий. Город, залитый огнями, как на картинке.

Последний раз я была в таком номере с Роберто. Но в тот момент мне было настолько все равно, что со мной происходит, что я просто позволила себя раздеть, раздвинуть ноги и забрать то, за что уплачено. Вот уж радость, девушкам кровь пускать.

Стою у окна долго, минут пять.

Просто секс. Сейчас я просто сделаю то, чему меня учили.

Только почему тело кричит об опасности. Почему мне хочется рвануть от него подальше. Неужели есть что-то худшее, чем продажа себя?

Я не поворачиваюсь, когда сзади приближается он. Когда его запах обволакивает, а отражение в окне все четче. Я сглазываю. Расслабься, Ален. Это просто секс.

— Выпей, — требует он, и над моей головой пролетает бокал с виски.

— Я не пью...

— Сегодня пьешь. Сегодня делаешь все, что я тебе скажу... — его рука хватается меня волосы и задирает голову назад, чтобы я смотрела четко ему в лицо. — Язык достань...

Глава 4.

Теперь нет смысла упираться, и я достаю язык, на который тут же тонкой струйкой льется обжигающая жидкость...

Жидкость обжигает, льется в горло, и я почти готова захлебнуться. Но Ник отбрасывает стакан в сторону. Его стук о ковер, кажется, отдается пульсацией в висках. Не успеваю опомниться, как шероховатая плоть собирает вкус виски. Гладит, обжигает почище любой кислоты.

И это волнующее чувство захватывает. Несет. Кружит голову. Откровенно говоря, пугает.

Я хочу оттолкнуть Ника, выпрямиться, но теперь голова в плену его пальцев, а язык уже внутри. Губы в губы. Влажно, грязно, настойчиво.

И из самых глубин порочного тела рождается стон, и теперь я сама касаюсь его языка. Пробую на вкус. С той же силой. Ласкаю, давя, словно участвую в первобытной схватке, их которой не будет проигравших. Слишком мы поглощены этим поцелуем. И он все длится и длится. Бесконечный эротический, нереальный. Язык устает, как после долгого разговора, а губы опухают и немеют.

— Хватит, — прошу, когда он отпускает меня, чтобы набрать воздуха, — ты мне сейчас шею ломаешь.

Он отстраняется слишком резко, словно опомнившись. Смотрит шальным взглядом, пока я кручу головой. Шея за-

текла, но во время поцелуя это последнее, о чем я думала. Я вообще не была способна к рациональной мысли.

Ник выругивается. Отвернувшись, трет лицо. А я облизываю, прикусываю губы, чтобы понять, что они все еще на месте. Но прекращаю под его взглядом. И вижу, что его как будто ведет...

Ник часто дышит и тут же убегает в ванную. Меня толкает в грудь волнение, но тут же исчезает, когда слышу, в чем, собственно, проблема. Организм отторгает наркотики.

Его там рвет. И я его понимаю. Меня саму мутит, как от качки на волнах.

Что это за поцелуй такой, что длится больше минуты, что приносит внутренний дискомфорт и спазмы внизу живота.

Извращенец.

У него новый приступ рвоты, а я замороженно смотрю на входную дверь. Потом на сумку с деньгами.

Можно просто сбежать, верно?

Он никогда меня не найдет. Никто не найдет.

Делаю шаг, чтобы рвануть к сумке. Но между ног стреляет странное ощущение. И как будто белье намокло.

Менструация? Не должна.

Возвращаюсь в реальность, но опаздываю ровно на секунду. Ник, вытирая лицо полотенцем, выходит из ванной.

Быстро отыскивает меня глазами и откидывает от себя лишнее, поражая возникшей аурой напряжения. Как зверь на охоте. Как солдат на поле боя.

Невольно делаю шаг к двери, но он уже рядом. Его клешня хватает волосы, разворачивает к себе лицом и выдыхает запахом мяты.

— Раздень меня... — требование, что отдается где-то глубоко. Хочется подчиниться. Но я не собираюсь потакать капризам.

— Ширинку ты расстегнешь и сам, — пытаюсь убрать с волос пальцы, но теперь вторая рука захватывает в плен мои запястья.

— Ты слишком дерзкая для шлюхи.

Это я уже слышала.

— Ты слишком много болтаешь для того, кто хочет трахаться.

Он меняется в лице.

Напряженное, красивое, хищное, оно завораживает так, что остальная часть комнаты превращается в туман.

Вскрикиваю, когда он отталкивает меня и отходит к кровати.

— Раздевайся! — с рыком приказывает и тише: - Танцуй...

Он стягивает с себя футболку и садится на кровать. Я невольно бросаю взгляд на сумку. Надо просто уловить момент.

Раз и нет меня. Можно и голой убежать. Мне не привыкать. Когда тебя грозит изнасиловать свора тварей, можно убежать и голой.

Но Ник не свора. И не тварь. Но его импульсивность пугает. Кто знает, не захочет ли он действительно порезать меня во время своего оргазма? Задушить, пока трахает.

Облизываю пересохшие губы и начинаю медленно двигаться в такт внутренней мелодии. А в комнате звучит лишь наше сбившееся дыхание, лишь взгляды танцуют, рассматривая друг друга.

Я была права. Спорт его второе имя. Подтянутый и складный он производит потрясающее впечатление. И даже мысль мелькает, что для такого можно и станцевать.

Медленно касаюсь края кофты. Поднимаю.... Ник облизывает губы, не сводит взгляда с моих рук. Он словно ребенок, перед которым разворачивают подарок. И это понятно...

Я знаю о соблазнении все.

Я знаю, как, не раздеваясь, довести мужчину до оргазма. Знаю точки на теле, которые при стимуляции позволят не кончать всю ночь. Я даже знаю, как заставить полюбить себя. Имитация оргазма — это отдельное искусство. Хотя настоящий при моей профессии недоступен. Я не испытываю от всего этого удовольствия.

Я и не должна. Это работа. Пора напомнить себе, что Ник — сегодня моя работа.

И я боюсь ее выполнять. До дрожи, до онемевших пальцев.

Его прикосновения кружат голову, словно пары опиума.

Его взгляд мешает думать. Даже сейчас во мне теплится желание подойти, погладит тугие мышцы, обтянутые светлой кожей. Прочертить линию татуировки, что от руки по плечу спускается на спину.

Провести ногтями по мужским соскам.

Не ради его наслаждения, а потому что я так хочу.

Мне рассказывали, что многие шлюхи даже могут испытывать оргазм, но мне кажется, это сказки. Для женщин, чтобы заманивать их в браки.

Какой мужчина будет доставлять удовольствие кому-то кроме себя любимого?

Я уже стягиваю кофту, чуть потрянув крупной грудью. Поворачиваюсь спиной и медленно кручу бедрами, дразню его тем же комплектом, в котором он меня увидел сегодня на сцене. Сценой назвать это сложно, скорее пьедестал с палкой, вокруг которой я должна крутиться. Должна вызывать желание. Только вот в глазах Ника светится настоящая, пугающая до стеснения в груди, жажда.

Он словно сумасшедший, его длинные пальцы сжимают покрывало, его джинсы давно готовы порваться от напряжения. Его кадык постоянно двигается, а голос заставляет теряться в этой жажде и меня.

— Да, детка, покрути своей попкой.

Мне на удивление не противно это слышать, но это самообман. Удовольствия нет. Секс для мужчин. Для женщин страдания.

— Дальше... Господи. Быстрее... — выдыхает он, уже расстегивая ремень. — Просто сними с себя все и дай на тебя посмотреть.

Я киваю, избавляюсь от лифчика, от свободных штанов, даже от трусиков и кидаю все это в сторону двери.

Что-то подобрать успею.

Стоит повернуться к нему лицом, он стягивает с себя джинсы с трусами, оставляя их болтаться на щиколотках. Мне же хочется себя ущипнуть.

Никогда не видела гладко выбритого паха. Ни одного волоска. Говорят, так делают геи, но судя по гордой палке, увитой тонкими прожилками вен и темно-розовой головкой, Ник не гей.

И сейчас он будет мне это доказывать.

И пусть, пусть... Но я должна сделать хотя бы одну попытку. Как обычно...

— Иди сюда. Иди сюда и просто сядь на мой член, — хватается он за него сам, как за рычаг и продолжает жалить взглядом грудь. Она почему-то ноет, словно в ожидании очередных по ней ударов хлыста за побег.

— Ладно, — вздыхаю, делаю шаг, но киваю на ночник. — Включи его, а я пока свет выключу.

— Тебе вроде нечего стесняться, — усмехается Ник и гладит свой ствол. Завораживает, как длинные пальцы обвивают его, ласкают. Я невольно думаю, что не прочь на это смотреть.

Но сейчас важнее другое.

Улыбка. Которая как будто гипнотизирует Ника и мой голос. Глуше. Тише. Мягче.

— Пожалуйста...Ник.

Он морщится, но встает и забавно ковыляет в спущенных штанах.

Вот и все...

Я иду к выключателю, пока в груди барабанит сердце.

Раз... Два...

Ник отворачивается. Я же в пару резких движений выключаю свет до того, как он дотягивается до ночника. Хватаю сумку и хлопаю дверь.

Глухой удар, стон и я фыркаю в кулак.

— Едрить твою за ногу!. Долбанная сука. Шмара охреневшая. Убью тварь!

Мат... Как это по-русски... — ухмыляюсь я и бегу, на ходу надевая кофту и закидывая рюкзак с деньгами на плечи.

Бегу. К свободе.

Глава 5.

Пока бегу к лифту слышу ругательства и еще один глухой удар.

Он же в спущенных штанах, в темноте.

Наверное, мне должно быть его жалко, а мне наоборот весело.

Будет ему уроком.

Лифт как назло не едет, а дверь в комнату уже открывается. Голову затуманивает страх, и я очертя голову несусь к лестнице. Теперь придется бежать по улице с почти голой жопой и босиком, но такая сумма того стоит.

А может быть мне повезет, и я смогу угнать машину. Последний раз мне удалось вскрыть тачку, но завести не получилось.

Пробегаю еще пару пролетов, вижу заветную серую дверь, как вдруг меня дезориентирует оглушительный выстрел.

Я слышала их и раньше, но в пространстве коридора эхо бьет по голове как молот по огромному колоколу.

Я торможу, пытаюсь прийти в себя, тяжело дыша. Смотрю на место, где пуля расколола часть стены.

Она пролетела далеко от меня, но кто знает, куда полетит следующая.

Больной ублюдок.

Я сглатываю вязкую слюну, чувствуя, как страх жидким

веществом стекает в пятки. Поднимаю голову вверх.

Он стоит на четыре пролета выше и целится в меня.

— Что? Добежать самому третья нога помешала? — спрашиваю громко и делаю маленький шажок в сторону. Главное, не паниковать. Главное, держаться уверенно...

— За комплимент спасибо, — придурок. — Решил, что пуля будет эффективнее. Поднимайся сюда.

Я качаю головой. Ни за что.

— Ты не убьешь меня, — делаю еще шаг в сторону двери. Ну не псих же он. — Ты же не...

Он целится. Щелчок. И я не могу двинуться с места. Не верю. Не хочу умирать.

Нет!

В следующий миг предплечье обжигает племенем или вкусом огромного шмеля. Смотрю на одежду, но ничего не вижу. А потом маленькое пятнышко. Красное...

— Ты подстрелил меня! — не могу поверить. Кричу ему, а он словно обезьяна спускается ко мне по перилам. И стоит мне сделать рывок в сторону, хватает за подстреленное плечо и толкает к стене.

Больно!

Стаскивает сумку, отбрасывает в сторону и хватает за горло.

— И скольких клиентов ты так облапошила, сука? — его пальцы давят, его глаза горят огнем мщения, но губы кричатся в ухмылке. А я пытаюсь отодрать от себя его руку. Ца-

рапаю, вижу, его это не заботит.

— Ты в меня выстрелил! А если бы убил?! — кричу я ему в лицо, а он стаскивает с меня окровавленный пуловер и стирает кровь.

— Почти ювелирная работа. Царапина.

— Псих! И что это ты сейчас делал? Лазал как обезьяна.

— Паркур. Не слышала? — осматривает он рану. Моргает пару раз и вдруг слизывает выступившую кровь. Странное действие, как будто дежавю срабатывает.

Это будоражит больше, чем его полуобнажённое тело, жадный взгляд исподлобья, пальцы, уже ласкающие кожу шеи.

— Это же для мальчиков, — задыхаюсь я. Кажется, тело стягивает невидимой пленкой, в груди разливается жар от недавно выпитого виски. Или не виски?

Да кто он, черт возьми, такой. Почему так действует на меня? Почему стоять здесь кажется таким правильным?

— Так я тоже мальчик, — пялится на грудь, от чего соски только сильнее морщатся, и он легко касается одного кончиком пальца. Ох ты ж... Снова дергаюсь, но его рука припечатывает меня поясницей к стене, надавливая на живот. — И меня обидела девочка. И знаешь, как я буду мстить?

Он смотрит, не дает отвести взгляд, и мне очень хочется понять, о чем он сейчас думает.

Его пальцы ведут по животу, выше, проскальзывают по груди. Боже... Прекрати. Прекрати. Мне страшно.

Но тут я вскрикиваю, когда он задевает царапину. Поднимает руку и несколько капель крови размазывает по моим губам. Металлический вкус пугает. Но то, как он это делает, заставляет сердце яростно толкаться в грудную клетку. Не от страха.

Умом я понимаю, это возбуждение, но как признаться самой себе....

— Ты больной... Ты просто больной ублюдок.

— А ты шлюха и воровка. Приятно познакомиться, — хмыкает он, резко отпускает горло, вдавливая меня в чертову стенку всем телом. Сжимает пальцами задницу и поднимает меня выше. Так что губы и глаза оказываются на одном уровне. А дыхание смешивается и превращает мозг в желе.

И он долго смотрит, словно чего-то ждет, а мне хочется кричать, брыкаться, но я загипнотизирована, заморожена. Поглощена тем, как действует на меня это тактильное безобразие. И я сдаюсь. Ему. Себе. Просто понимаю, что хочу...Его.

И руки прекращают борьбу, а губы сами тянутся за поцелуем. И его грубые слова даже не ранят. Потому что кажется - пусть только кажется, что он так не считает. Что он приносит это любя.

— Грязная сука, — последний хрип и губы сталкиваются в равной схватке за власть. За возможность впервые чувствовать себя живой и настоящей. За шанс впервые сыграть

с собой игру, что я не купленная. Что он мой парень и мы в ссоре. А это дикое, животное примирение.

— Расстегни этот чертов ремень, — требует он между рваными, влажными поцелуями, пока я просто задыхаюсь и давлуюсь обильной слюной.

Его язык то трахает рот, то ласкает. Его губы то жалят, то дарят тепло.

Мне хочется больше, сейчас все тело просит больше. И кажется, что никто кроме этого психа не сможет мне этого дать.

Ловко расстегиваю его пряжку, вытаскиваю ремень, тяну вниз ширинку, царапаю тугие прокаченные мышцы ногтями, и его дрожь передается мне.

— Еще, ох, сука, еще раз... — ноет он как помешанный, ласкает мой язык, кусает губы. И все это время ни разу не закрывает глаза. Смотрит на меня так... Слишком темно и порочно, слишком голодно и страшно. Словно путник, нашедший в пустыне свой оазис.

Второй рукой нахожу член и принимаюсь его активно гладить. Идеальная форма и размер. Именно из такого прототипа делают фаллоимитаторы, именно такой мечтает иметь каждый мужчина. Потому что именно такой хочет в себя женщина.

А я женщина.

И впервые хочу не откусить или отрезать, а почувствовать, что такое не секс за деньги, а то, что дает мне этот парень.

Безумие. Эмоции. Страсть.

Теперь его рука тоже внизу, а вторая продолжает держать мой зад, средним пальцем поглаживая анальный вход.

— Скажи, что нравлюсь... — проскальзывает он пальцами в меня, и я вскрикиваю.

Да, боже мой.

— Скажи, что нравлюсь! — отрывается от губы и силой кусает сосок. И я с визгом:

— Нравишься. Очень, очень нравишься.

Особенно, когда зубы сменили губы и жадно сосут. Особенно, когда кончики пальцев находят особенное место и надавливают на него.

Господи, внизу живота такой зуд, что нет сил терпеть.

И я сама.

Господи, сама направляю в себя член. А Ник возвращается к моим губам, взгляду, и мягким движением вторгается внутрь.

Глава 6.

Я никогда не любила боль. Старалась избегать ее любой ценой. Порой ценой другой боли.

Шлюха? Да. Воровка? Да. Но разве я не должна была попытаться, разве имела я право не попробовать сбежать? Разве он мог оставить меня в покое?

И убегая от боли, которой он грозился, я снова напоролась на нее же...

Только странную такую, растягивающую нутро, вызывающую убойный стук сердца. Ровно до того момента, пока головка члена чуть касается матки, пронзая чувства насквозь. Теперь тянется обратно. Скользит по влажному тесному пространству, царапая мягкие стенки венами, каждую из которых я ощущаю, как горящее клеймо.

Но все ровно до того момента, пока ствол не выходит полностью, чтобы с точностью ювелира вторгнуться обратно.

— Сука, — выдыхает мне в рот Ник и сдавлирует тело.

До синяков. До острой боли. Словно его единственное желание меня порвать на мелкие ошметки, а в глазах единственное желание — драть.

И я смотрю в это лицо, что расплывается кругами. Кажется нереальным, как и чувства, что он во мне вытаскивает. Вынуждает испытывать. Неправильные. Отвратительные. Грязные. Но это такой кайф...

Опиумный экстаз, вызванный дурманом и шоком от происходящего. И я облизываю пересохшие губы, еле выдыхаю:
— Боже...

Как же глубоко и тесно. Как же влажно и горячо. Как же его тело напряжено и волнующе.

И не знаю, что я сделала, но он злится. Хватает пятерней волосы. Сдавливает затылок. Дергаюсь, думая, что это снова заставит меня страдать. Но эмоции только острее. Теперь его член больше не кажется чужеродным, теперь он нашел свою идеальную резьбу.

И я царапаю плечи Ника, глажу шею, вплетаю пальцы в волосы, так что его пронзает дрожь. И он словно оживает. Скользит во мне медленно назад и забивает наслаждение внутрь. Назад и глубоко обратно.

И это не похоже на секс, это какое-то сакральное, животное совокупление, призванное меня загипнотизировать. Еще. Боже. Еще пару раз. Только не спеши. Вот так...

Медленно и сразу резко.

И я не могу молчать, шепчу «пожалуйста» на каждый его священный толчок. И кажется, что стоит отвести взгляд, магия закончится.

Его лицо становится прекрасным в своей злобе, а бедра работают как отбойный молоток, вдавливая меня в стену. Все жестче. Все агрессивнее. Все чаще.

А я с трудом улавливаю происходящее, но в голове гул, как от винта вертолета. Пытаюсь подавить эти эмоции, но

они только сильнее. Захватывают в капкан тело. Я будто кролик в зубах. Не вырваться. Не дернуться. Остается только принять свою участь и пытаться насладиться последними минутами жизни. Понимаю, что мое лицо полное растерянности. Глаза затопила похоть. И мне хочется узнать, что это? Разве так бывает? Почему такое прекрасное действие может его злить? Вопросы в разноречивой терзают остатки сознания, которое отчаянно пытается бороться с виски в моей крови.

И я пытаюсь дать себе указание запомнить каждую мелочь, чтобы потом, когда станет совсем дерьмово, вспоминать... Прокручивать... Умирать снова и снова в этих сильных руках. Подобное забывать непозволительно. Не прощу себе.

Я пытаюсь зарисовать в памяти его острые черты лица, злые зеленые глаза, в которых гнев борется с жадой.

Безумие с разумом. Впервые в жизни я понимаю значение слова «сексуален». Впервые в жизни я хочу купаться в той грязи, куда он меня погружает в каждом яростном толчке все глубже.

— Да! Да! Сука... — почти шипит. - Дрянь...

Горячее дыхание у губ и следом животный поцелуй. Прекрасное насилие с привкусом выступившей крови. Никакой осторожности. Ни нежности. Ни чувственности. Только концентрированная страсть и даже жесткость. Он словно пожирает меня, не давая проявить даже малейшей инициативы. Одна рука по-прежнему на моей заднице, вторая в волосах.

И я схожу с ума от грубых фрикций, от звука шлепков и ударов тела друг об друга, запаха. Различаю древесные нотки и просто отпускаю себя, позволяя этому животному пожирать плоть своей дичи. Языком, что обладает моим ртом. Членом, что забивается в меня с силой взбешенного быка.

Глаза открыты и без тени стеснения, с голодным блеском на дне, сверлят меня. А я медленно уплываю из действительности. Теряюсь в темноте вожделения.

Толчки становятся почти автоматной очередью, и я чувствую себя преступницей, приговоренной к наслаждению. Оно во мне. Впервые в жизни так близко.

Впервые в жизни я хочу посмотреть на секс со стороны. На то, как работают мышцы спины, на то, как я куклой дрыгаюсь на члене Ника.

Я вся дрожу напряженной струной. Рвано выстываю мольбу. И совершенно плевать на то, что нас могут услышать. Я так сильно хочу всего этого. Готова застрелить любого, кто посмеет помешать.

Впиваюсь ногтями в мужские, влажные от пота плечи, крепко обнимая обеими руками. Провожу кончиками пальцев по его шее, по коротким волосам и легкой щетине на лице. Ласкаю. Запоминаю. Прижимаю к себе еще больше, хотя он и без того впечатал меня собой. Чувствую его каждой клеточкой своего тела.

Стон все-таки срывается. Сиплый, беспомощный. Горло пересыхает, и даже плевков в рот и следом поцелуй не могут

утолить жажды.

Жарко. Дышать совершенно нечем. Волосы липнут к телу. А его губы сводят с ума, втягивая соски, покусывая их.

Так хочется застрять в этом моменте. И сдерживаться сил просто нет.

Движения члена внутри стали куда четче и быстрее. И я не понимаю, откуда этот жар по всему телу. Он поднимается от онемевших ног все выше. К низу живота. Грудь, щекам. Мозгу и оттуда прямым потоком обратно. Между ног. Смешивая чувства и эмоции в единый сгусток экстаза.

В висках пульсирует кровь, и я хватаю ртом воздух, когда чувствую внезапный, всепоглощающий экстаз. Меня оглушает, ослепляет, я содрогаюсь от неведомых раньше ощущений. И лишь его укус, его взрыв лавы внутри приводят меня в сознание.

Но я все равно плыву и на давление плеча просто опускаюсь на колени.

— Оближи, — задыхаясь, толкает он мне свой идеальной формы член, что пленкой стянула белая субстанция. И я, не осознавая, что делаю, достаю язычок и принимаюсь это вылизывать. Кажется, нет в этот момент ничего важнее.

— Ох, черт, — почти падает он, но упирается рукой на стену.

И я хочу уже открыть рот, хочу вобрать плоть до горла, но все заканчивается.

Мало соображаю, когда любимую игрушку забирают, за-

правляют в штаны, а меня валят на плечо. Ловко хватают сумку и поднимаются по лестнице.

— Здесь стреляли, — слышу голос, открываю глаза, вижу пару лакированный ботинок и шлепанцы Ника. — Вы никого не видели?

— Русский наркоман и шлюха, — отвечает Ник совершенно искренне, так спокойно, словно для него в порядке вещей ходит по лестницам с голыми телками. — Побежали вон туда.

— Спасибо. Будьте осторожны.

Мужчина убегает вниз, а Ник, тащит меня все выше.

Уже в номере роняет на кровать. От которой отпружиниваю и наблюдаю, как он снимает лишнее и остается лишь в прекрасной в своей агрессивности силе. Нависает сверху, стягивая горло взглядом. Рассматривает тело и дует на истерзанный ласками сосок.

Спать он явно не собирается, а я смотрю на часы и понимаю, что это единственная ночь, когда я могу полностью насладиться близостью другого существа. Мужчины. Тех, кого я ненавижу. И лишь этого конкретного хочу.

Он трогает мою грудь, спрашивает про шрамы от кончиков хлыстов, но я не могу об этом рассказывать.

— Я не хочу говорить, я хочу трахаться. Ник... — желаю перехватить инициативу, но этот парень явно не любит быть под кем-то. Наваливается всем телом. Раздвигает ноги как можно шире. Убирает мои руки в плен пальцев, вонзается и

сипло выговаривает:

— Меня зовут Никита.

А я слышу, слышу и мне нравится это имя. Оно такое... Из детства, когда казалось, что есть в мире сказка. Есть. И в данный момент я в ней купаюсь. Только одна ночь, когда можно просто превратиться в новую Алену. Без прошлого. Без будущего.

— Алена. Меня зовут Алена.

Глава 7.

*** Никита ***

Девушек надо беречь. Так я усвоил с детства. Так говорила мама. Так говорил строгий, порой жестокий отец. У меня у самого есть сестра. Я даю под зад младшему брату, если он обижает ее. Я топил в дипломной работе за права женщин. И что же...

Только почему-то основы, вложенные в мозг, слетают напроочь, стоит мне достигнуть пределов тугой дырки.

В голове шумит так, как будто рядом работает турбина самолета. Пытаюсь прийти в себя. Пытаюсь вспомнить, что я протрезвел, стоило этой шлюшке меня надуть. Но перед глазами круги как в клубе, когда Лина сжимала шест оху*нно сильными ногами.

В горле пересыхает, сердце отбивает убойный ритм, и хочется в момент забыть, что вообще человек.

Что образование есть. Что светит политическая карьера. Хочется просто обратиться в животное и больше не думать. Только раздирать самку, которая не смогла убежать. Рвать дичь, что оказалась еще слаще, чем на вид. И даже вкус крови на губах не отталкивает.

Наоборот...

Хочется чувствовать его снова. Он в агонию похоти погружает все глубже. И меня уже нет.

Я так в ней... Глубоко.

Где туго, влажно, горячо. Где ее глаза из лживо невинных превращаются в настоящий блядский выстрел.

В миг забываю о правилах, нормах, приличиях и гортанно выдыхаю. Выskalзываю из нее ровно настолько, чтобы теперь с размаху засадить обратно.

— Сука...

Нереальный кайф увидеть, как закатываются ее глаза. Слышать рваный стон в губы.

— Боже!

Ведьма, просто ведьма. И даже странно, что волосы не рыжие, а светлые как долбаный лунный свет. Нежные как шелк.

И вырвать хочется.

Но даже дернув, я не вижу, что ей больно. Нет... Эта тварь теперь сама впивается ногтями в мои, тянет до дрожи в ногах... Открывает свои глаза и на каждый гребаный толчок хрипит.

— Пожалуйста...

О чем ты просишь, тварь? Жестче? Сильнее? Это я могу. Могу так, что ты задохнешься от крика.

Мне пиздец.

Кажется, начнись сейчас война, я не смогу остановиться. Плыву, ноги не держат, хочется упасть, взяться за крутые бедра и просто натягивать ее, пока в глазах не потемнеет, пока инстинкты окончательно не возьмут верх. Чтобы не про-

сто трахать... А, чтобы растерзать в мясо...

Это, блять, ненормально! Ненормально так задыхаться от трения, когда чувствуешь малейший импульс ее охуе*ного тела. Слышишь стук сердца, перекликающийся с твоим.

Это ненормально, чтобы внутри горело пламя. Кажется, что вот-вот и ты сгоришь в нем. В пепел превратишься. Это ненормальное желание. Не просто вытрахивать из шлюхи весь дух, но и хотеть, чтобы она это запомнила навсегда.

Чтобы каждого будущего клиента сравнивала со мной и говорила себе: «Вот это ебать. Вот бы он меня еще раз. Много, много раз».

Может быть поэтому мозги отключаются окончательно, зубы прикусывают губу, а бедра принимаются долбить с отчаянием фабричного станка. Снова и снова. Снова и снова. Вдалбливать суку в стену на подобию автоматной очереди. Ждать, ждать, что она будет кончать, а ты – захлебываться от экстаза. Она визжит, трясется как припадочная, сжимает член тисками, требует, чтобы прекратил, чтобы закончил. А я не могу. Мне надо больше. Мне надо долбить ее нутро не прекращая, пока не сдохну. Но оргазм настигает выстрелом в мозг, стоит Лине впиться мне в губы поцелуем и кричать в рот.

И я вроде бы хочу выйти, залить спермой красивое лицо, дерзкие сиськи, но она просто не отпускает, высасывает меня до последней капли, пока я дурею и кончаю. Кончаю. Кончаю...

Бля-ять!

И понимаешь, что это только начало. Что трах — только закуска. Перед тем, как я разотру ее тело по десне как щепотку кокса. Буду делать это, пока не потянет блевать.

Опускаю пухлую губу и толкаюсь языком, чувствуя, как во рту горячо и сладко... Продолжаю как безумный смотреть в синий туман глаз.

Волосы все еще в кулаке, так что выхожу с оглушающим пошлым звуком и толкаю ее на колени.

— Оближи...

И мне кажется, она снова начнет брыкаться, набивать себе цену, но она тоже уже не соображает. Опускается покорно, язык свой розовый показывает. Дергаюсь, когда Лина принимается жадно вылизать от смеси наших соков.

— Ох, ебать... — упираюсь рукой в стену и вдруг слышу краем уха шаги.

Бля*ство. Судя по всему, сюда кто-то бежит, чтобы узнать про выстрел.

Так что я отрываю ошалевшую деваху от члена, подхватываю на плечо. Не забываю и сумку с деньгами и поднимаюсь по лестнице.

И вот тут главное сохранять невозмутимость. Сделать вид, что идти с голой телкой на плече вообще для тебя в порядке вещей. Это Амстердам, детка. Город развратной любви и гашиша. А где мне еще было отдыхать в последние недели свободы?

— Тут был выстрел, — задыхается менеджер. Рассказывай, а то я не видел. — Видели кто, это был?

— Какой-то русский со своей шлюхой. Кажется, они выбежали на стоянку, — рассказываю я, и полный мужчина мельком смотрит на Лину, потом кивает и бегом спускается.

Усмехнувшись со всей этой ситуации, я поднимаюсь на свой шестой этаж.

Уже в номере кидаю Лину на кровать, так что та пружинит.

Разряжаю пистолет. Вдруг шлюшка умеет им пользоваться. Мигом скидываю джинсы, трусы и забираюсь на кровать.

А она так и лежит, смотрит на меня и как будто не видит. В глазах еще туман. Зато я хорошо вижу.

Идеальная статуэтка. Ожившая фантазия любителей барби. Крупная грудь, тонкая талия и острый изгиб бедра.

Рассматриваю, чувствуя, что снова в боевой готовности. В голове мелькает мысль, что она, пожалуй, стоит тех денег, о которых говорит. Особенно, если каждого клиента обслуживает так, как будто только что начала заниматься сексом. Как будто ты именно тот, кто впервые заставил ее кончать так бурно. Наверняка это и цепляет мужиков. Как долго она сможет проворачивать подобный номер?

Но если ей хочется сыграть в эту игру, то разве я против?

Нависаю, скольжу взглядом по лицу, по телу, по паре светлых шрамов на груди. Они маленькие, словно застаревшие.

Касаюсь пальцами, но она хватает их рукой. Резко закиды-

вает ногу мне на бедро и ловко переворачивает. Седлает, а я пытаюсь успокоить дыхание. Может поговорить? Пару фраз, не более. Просто чтобы снова не слить все за пару минут.

Потому что ее хочется трахать долго так... Со вкусом. Чтобы снова и снова билась рыбой в сетях. Чтобы запомнила навсегда. А мне нажраться ею так, чтобы захотелось забыть.

— Откуда они? — хватаю за одну грудь, сжимаю, а вторую сразу в рот. Розовый сосок как изысканный десерт. Прикусить. Пососать, облизать. Услышать сладкий стон и ощутить, как головка снова находит нужное отверстие. Пульсирует, стреляя похотью в мозг, заполняя сознание. — Не скажешь? — усмехаюсь и дразню членом. Отбиваю легкий ритм по клитору.

— Я не хочу разговаривать, я хочу трахаться, Ник, — толкает она меня на подушки, и сама целует, заполняет рот языком, так же как мой член вторгается в ее нутро.

Но я снова переворачиваюсь, закидываю ее ноги высоко, чтобы наблюдать за каждой секундой этого чертовски бледского проникновения, чтобы отслеживать каждую реакцию на ее лице. Чтобы кончить потом на это лицо и наблюдать, как она будет облизывать свои губы. С моим на них вкусом...

Наклоняюсь, целую, усиливая давление. А вскоре принимаясь выбивать ее крики ударами члена об матку. Так долго и грязно, поглаживая большим пальцем клитор, чтобы дожидаться, когда она кончит, и дать волю своей грязной фантазии.

Потому что мягким с ней быть преступление. Потому что трахаться в презервативе с ней грешно, потому что забыть это распутное тело невозможно.

И я просто отпускаю себя. Просто забиваю на то, что ей будет больно или что больно мне. Сегодня мне хочется быть собой и больше не сдерживаться. Не бояться причинить вред. Этой ночью хочу быть тем зверем, что она во мне пробудила. А теперь сама же провоцирует выброс адреналина своим проклятым сексуальным голосом.

— Никита... — мне хочется, чтобы сегодня она звала меня настоящим именем. Она закрывает глаза, выгибается особенно сильно на очередной жесткий выпад, и хрипит...

— Алена... Меня зовут Алена.

И давно забытое имя, стертое из памяти как опасное для психики, просто швыряет меня в бездну nirваны, где не остается ничего... Кроме меня. Ее и наших гортанных стонов в унисон.

И я не помню, как мы смогли остановиться. Не помню, что хотел выходить из нее, помню, как долго ласкал тело, помню, как она спросила: «Зачем, ведь ты меня уже трахнул?».

А я не мог ответить. Сказать, что в голове помутнение и я вижу в обыкновенной шлюхе потерянную подружку детства?

Эти мысли пробиваются в мозг, как свет пробивается через портьеры в комнату. И я открываю глаза. Долго смотрю на подушку рядом. Усмехаюсь, переворачиваясь, и наблюдаю, как ползет луч солнца по потолку.

Подводя итог. Круто. Трахая правильную во всех отношениях будущую жену Надю, буду часто вспоминать эту ночь. А ведь я не взял и половины из того, что должна была дать Лина. Или Алена. Не важно....

Теперь уже не важно. Несколько десятков миллионов похерено на шлюху, а я не жалею.

И только из-за кокса и долбанной детской фантазии найти потерянную подружку.

— Признайся, Никита, ты е*анулся.

Именно так и скажет отец.

Подрываюсь, сажусь, чувствуя себя выжатым как лимон, но при этом полным энергии. Спускаю ноги на ковер, заглядываю в ванну. Думаешь, она осталась? Ага. Схватила бабло и свалила.

Медленно встаю, делаю шаг к ванной и замираю. Хмурюсь, замечая банкноту на полу. Выглядываю из-за угла. Охереть... Целый ворох денег раскидан по комнате, как будто кто-то их швырнул.

Но ни Алены, ни ее рюкзака нет.

Ни Алены. Ни рюкзака.

Ни Алены.

Алена...

Сердце пропускает удар...Второй. Останавливается, вызывая такую боль, что меня шатает. Да ну!

«А это что за тату?».

«Детская, несбывшаяся мечта.».

Да быть того не может! Но какая шлюха оставит деньги?!
Такие деньги за отработанную ночь. Отработанную ночь.
«Она станет проституткой!».

«Главное, чтобы осталась жива...».
И почему слова отца теперь не кажутся мне успокоением.
Главное, что осталась жива. Главное ли это?

Глава 8.

*** *Алена* ***

Просыпаться не хочется. Тело словно в коконе тепла и защиты.

Сзади мужчина, он обнимает меня сильными руками, дышит в затылок. Не пытается изнасиловать.

Это ощущение новое. Ранее неизвестное. Я давно его не жду. От него хочется улыбаться. И просто наслаждаться как можно дольше.

Но стоит вспомнить, кто я... Кто он...

И откуда это ощущение...

Радость исчезает мгновенно.

Вчера Никита протрезвел. А утром он может просто забрать деньги, и я вряд ли смогу как-то этому препятствовать.

Я даже не смогу ничего сделать, если он захочет снова заняться сексом.

Да и вряд ли захочу. Сделаю все, чтобы еще хоть раз почувствовать себя не вещью, а женщиной.

Так выход один. Бежать скорее.

Стоит открыть глаза, как я натываюсь на руку с темными волосками и сеткой вен. Хмыкаю и начинаю квест, чтобы выбраться из жаркого плена.

Уснули мы пару часов назад. Изможденные. Мокрые от пота и грязные от семени и моих соков.

Мне, получается, повезло, что проснулась раньше, а сон Никиты продолжает оставаться глубоким.

Именно на это рассчитываю, выбираясь из объятий, так что он перекатывается на живот и обнимает подушку.

С облегчением вздыхаю, ловко слезаю с кровати. Черт! Ноги, потерявшие чувствительность, подкашиваются. Я с шумом падаю вниз. Бросаю испуганный взгляд на Никиту, но он продолжает спать.

Даже похрапывать.

И снова удача.

Убираю с лица спутанные волосы и, ощущая каждую мышцу тела, ползу к своим вещам.

Футболка, джинсы. Кофта так и осталась на лестнице. Белье даже не рассматриваю. И без того сил одеться почти нет. Кажется, что по мне проехал как минимум каток.

Перед тем как подняться, сжимаю челюсть. Боль в ногах адская. Пошатываюсь, двигаюсь по стенке. Впереди цель. Рюкзак с деньгами. Мышцы ноют, тело в засосах, между ног будто полк солдат прошёл, но впервые в жизни я счастлива... Ведь свобода так близко. Все было не зря.

Только тяну руку, слышу хриплое:

— Алена...

Дыхание перехватывает, словно я снова под ним, снова двигаюсь под жесткие толчки и падаю в поцелуи.

Замираю и отклоняюсь назад к стенке, чтобы взглянуть на кровать.

Этот вепрь, который совершенно не знает, как быть нежным, так и лежит с голой задницей. Храпит.

И я невольно останавливаю взгляд на литых мышцах спины, татуировке, что спускается к лопаткам с плеч.

И загипнотизированная понимаю, нужно идти. Бежать. Делать документы и валить из страны. Но свет, выбивающийся из портьеры, достигает его талии, привлекая к ней мое особенное внимание.

Там на боку овальное родимое пятно.

И словно дежавю в мозг врезается давно потерянное имя. Никита.

Проваливаюсь в бездну воспоминаний, где эхом раздаются детские, до боли знакомые голоса.

— Смотри, у нас родимое пятно в одном месте, может мы брат и сестра?

— Это ни о чем не говорит...

— Я бы хотел маленькую сестренку, хочешь ею стать?

— Зачем?

— Защищал бы тебя...

— Ты себя защитить не можешь...

— Я научусь...

Никита. Мне кажется, это имя давно фантомная боль. Призрак, помогающий мне двигаться к мечте.

В безопасность.

Мальчик, с которым мы когда-то воровали сгущенку из кабинета заведующей детским домом, а потом получали за

это ремня.

Мне тогда казалось это больно. Но я даже не подозревала, какой она может быть.

Мы с Никитой дружили с самого его появления в детском доме. Клялись друг другу на крови, что даже если расстанемся, всегда будет вместе.... Глупо, да? Но в детстве я верила в это. И в самое тяжелое время обращалась к шраму, что оставил на мне ножик в его руке.

Я часто водила по вырезанным на коже буквам, почти зажившим, но оставившим тонкие белые шрамы. Верила, что он помнит меня.

Они и сейчас там. Н. И. К. И. Т. А. Шесть букв, еле вставившихся в родимое пятно в форме овала. Точно такого же как у него...

Горло перехватывает от боли... Руки сжимаются в кулаки, когда я иду в сторону кровати, словно в свинцовых туфлях.

Каждый шаг отдается таким стуком в сердце, словно лопается барабан.

Сглатываю, наклоняясь к боку мужчины, почти касаюсь пальцами родимого пятна и светлых, еле видных букв. А.Л.Е.Н.А.

Резко убираю пальцы, словно получив ожог. Не может быть. Боже, не может быть. Через столько лет. Так далеко от места, где видела его в последний раз. Где он кричал, что найдет меня. Где я верила ему. Где я верила... В чудо.

Закрываю глаза и прикусываю кулак. Не хочу кричать. Ка-

жется, что кто-то льет на голову жидкий металл, сжигая меня дотла. От осознания.

Жив. Здоров. Богат. Чертовски красив. Трахает шлюх. Трахал меня....

А кто я?

Шлюха.

«Привет, Никита, помнишь подружку детства. Да, да, это именно та, кто сегодня сосала твой член и согласилась дать в жопу, как только ты проснешься.».

Это я должна буду ему сказать? Человеку, мысли о котором помогали держаться так долго? Не скатиться в пропасть порока и смерти окончательно.

Меня трясет, внутри буря. По щекам льются слезы, и я поднимаюсь, хватаю сумку, бегу к двери и уже её открываю, но резко захлопываю обратно.

Надеюсь, что он проснется? Но нет. Он спит, а я одна. И всегда буду одна.

Руки с сумкой сами поднимаются, и я со всхлипом высыпаю содержимое в центр комнаты. Долго наблюдаю, как валятся банкноты, как и валится последняя надежда на нормальную жизнь.

Я не хочу видеть в его глазах презрение и разочарование. Еще более я боюсь, что он не узнаёт меня при свете дня. Что вообще забыл меня.

Пятнадцать лет не малый срок, но я верила, что стоит нам только заглянуть друг другу в глаза и мы все поймем...

Наивность мне не присуща. Но Никита единственное светлое воспоминание. Пора стереть из жизни и его.

Забираю только сумку и пару банкнот. Свою реальную стоимость. Бросаю отчаянный взгляд на кучу денег, которые плачу за всю ту поддержку, что оказывал мне образ Никиты, и ухожу.

Долго брожу по улицам города, прокручивая как остатки детских воспоминаний, так и события ночи.

Подхожу к дому, где снимаю комнату. Снова вдыхаю привычные запахи выгребной ямы и внимательно смотрю, чтобы рядом не было машин и людей Марсело.

Но стоит мне подняться на свой этаж, собрать то небольшое, что у меня есть, как в дверь стучат.

Я, почти выбросившая мысли о ночи, до боли закусываю губу.

А вдруг? А вдруг Никита? Прошло четыре часа. При желании меня можно найти. Не ради этого ли я оставила все деньги?

Но было ли у него такого желания? И что я хотела доказать?

А если это Марсело... Дерьмо... Придется лезть по крыше на другой дом, чтобы сбежать.

Новый стук, рюкзак на спине, и непривычно холодный голос:

— Открывай, Лина... Или Алена.

Радость бурным речным потоком несется в тело, и я смело

подпрыгиваю, распаиваю дверь.

Только вот радости на лице Никиты, уже полностью облаченного в приличную одежду, я не вижу. Я ничего там не вижу. Холодная маска. Даже призрачения я не достойна?

Он грубо заталкивает меня в комнату, задирает футболку, нащупывая пальцами родимое пятно. Обжигая холодом кожу. И резко отшатывается.

— Сука...

А я только и могу умиляться, смотря, что его темные волосы на ярком солнце переливаются красным. Рыжий. Он все такой же рыжий.

— Алена... — выдыхает он, смотря на меня в упор мрачными небесами глаз. Быстро оглядывается и уже по-русски выдает: Пиздец, клоповник.

Пинает старый стул, служивший мне и столом, и несколько секунд трет лицо. Вид у него замыленный, сердце нежно сжимается. Он меня искал. Искал...

Поворачивается и только хочет что-то спросить, как дверь сотрясается от удара.

— Лина, шлюшка, выходи! Время вышло!

Глава 9.

— Кто это? — спрашивает Никита, и я сглатываю. Очень не хочется отвечать...

Но в дверь так долбят, что это отдается пульсацией в висках. И Никита ждет ответа.

— Марсело... — выдавливаю из себя, впиваю ногти в кожу ладоней. Сама не знаю, что хуже. Что Никита узнает, что у меня есть сутенер. Или вооруженные парни Марсело.

— Любовник?

Качаю головой. Хуже.

— Сутенер? — сам догадывается он, и я быстро киваю, скармливаю глаза в сторону дрожащей от напора хлипкой голубой двери. Только чтобы не видеть, как Никита, стиснув зубы, выдает: «Заебись» по-русски.

За дверью крики становятся громче. Сейчас дверь будут ломать. Он решительно (или глупо?) идет к ней и сразу распахивает.

Хочется крикнуть: Стой! Но уже поздно. Часовая бомба замедленного действия моей жизни уже готова взорваться. И я не знаю, к чему это может привести.

В распахнутую дверь влетают два бугая, которые очевидно хотели ее выбить. Они пролетают пару метров и врезаются в стену. Места тут немного. Разогнаться они бы не успели.

Но я уже смотрю на Марсело. Огромного, потного мекси-

канца.

Я для себя давно решила, в самую нашу первую встречу, когда меня с головой в мешке купили в очередной раз. Лучше сдохнуть, чем под такого лечь. Но проституткам, да и вообще женщинам повезло. Он импотент. Правда винит он в этом женский пол, за что любит изрядно помахать кулаками.

Я часто на них нарывалась, только чтобы не «работать». Но потом он просек фишку и меня перестали трогать. И все-таки смогли найти клиента даже для такой норовистой кобылки как я, которых он любит избивать.

— Ты кто такой! Если клиент... — начинает злиться Марсело, от чего его смуглая вечно лоснящаяся кожа покрывается краской.

В него тут же летит жесткое:

— За сколько ты её мне продашь?

Это хороший вариант, но Никита не знает Марсело. Меня давно хотели перекупить, но судя по всему, он считает меня нечто вроде коллекционного приза, который можно показать гостям по особым случаям.

— У тебя денег не хватит. Парни, берите Лину. Её клиент ждет, — громко хохочет Марсело, и бодро стоящие на ногах бугаи идут на меня. Плотноядно улыбаются. Я пинаю ногой одного в живот. Другого бьет Никита. Это кажется слаженной работой. Но он сам рычит мне.

— Не лезь.

Обидно до слез, тем более что за его самоуверенностью

он мог и не заметить еще пары стволов со стороны Марсело. Тот всегда берет с собой не менее четырех парней.

Но и Никиту я недооценила.

— Марсело, или как там тебя, — он достает пистолет. Вместо того, чтобы направить на врагов, хватает меня и прикладывает ствол к виску. Вдавливает до острой боли, так что даже я верю. Может выстрелить. Но я все равно, тесно прижатая к его груди, впервые ничего не боюсь. Я в безопасности.

— Вариантов два. Я все равно ее заберу. Живой или мертвой. Ты можешь взять деньги, что в той сумке, и свалить, а можешь попытаться отобрать её...

— А еще я могу убить тебя, — усмехается Марсело, переводит водянистый взгляд на меня. — Даже она не стоит твоей жизни. Вместо того, чтобы нормально сосать, она может член и откусить.

Никита не ведется.

— Вместо четырех сот штук, что лежат в сумке, у тебя могут быть два трупа. Решать тебе.

— Да ты хоть представляешь, сколько мужики готовы были за нее платить?! Ее целка ушла за пол ляма евро!

— Представляю, — цедит сквозь зубы Никита, и мне становится стыдно, потому что можно представить, что он там накрутил себе. — Но в сумке фунты. Забирай и дай нам уйти.

— Не думай, бери. Этого должно хватить, чтобы воспитать ещё десяток отменных шлюх на продажу. Каждый день

какой-нибудь отчим насилует новую дочку, так что материал у тебя будет всегда. Но эту я заберу.

Марсело смотрит на меня, потом на сумку. Размышляет. Прикидывает. Знает ведь, сколько со мной будет проблем. Кивает парням, и те быстро заглядывают внутрь. Там действительно купюры.

— Ладно... Но ты с ней поаккуратнее, вдруг она захочет вернуться на родину. Правда, киска? – подмигивает мне Марсело, берет сумку и показывает в сторону выхода. – Идите.

Никита не отпускает меня до последнего, пока не оказываемся в машине. Даже не разговаривает. Долго смотрит перед собой и вдруг срывается. Несколько раз бьет руками об руль и выходит.

— Сиди здесь! – орет он мне зло и хлопает дверью, которая тут же блокируется.

А я шумно выдыхаю, тут же обхватываю себя руками. Улыбаюсь. Охренеть... Свободна. Я свободна. Именно эти несколько букв крутятся в моей голове, как потоки ветра, пока сквозь него не пробивается странный шум.

Через несколько минут из здания вдруг выбегают люди. Кричат что-то про газ. Следом выходит Никита и садится в машину.

Почти сразу газуем, и я невольно оборачиваюсь.

Из окна моей маленькой комнаты выглядывает Марсело, за ним еще несколько парней.

Они задыхаются, что-то кричат. А потом вылетают из-за тут же произошедшего, оглушительного взрыва. А вместе с ними купюры рассыпаются по ветру фейерверком. Толпу больше не волнует взрыв и умершие, теперь все их внимание сосредоточенно на ловле целых, негоревших купюр.

И ничего прекраснее я в своей жизни не видела.

И еще никогда не ощущала себя счастливее. Нет, Марсело не один такой. Подонков много. Но как же приятно знать, что мир отчистился хотя бы от одной крысы.

— У тебя еще есть сутенеры, любовники, мужья, дети? — спрашивает меня Никита, и я невольно смеюсь с серьезности его тона.

— Нет. Больше никого нет. Только ты.

— Хватит ржать! По-твоему, это смешно? По-твоему, то, что ты стала шлюхой, смешно? По-твоему, то, что я убил из-за тебя людей, смешно!? — орет он в лобовое стекло и только вдавливая педаль в пол.

— Не смешно... — киваю я, даже не пытаюсь скрыть слезы радости. — Не смешно. Но ничего лучше со мной еще не случилось.

— Пиздец. Не думай, что легко отделалась. Просто теперь у тебя только один клиент. Будешь сосать, принимать в любую дырку, тогда, когда мне захочется. Поняла?!

Напугал, господи. Не проще было сказать, что он меня хочет. Но ему сложно свыкнуться с мыслью, где он меня нашел. Пусть факт моей покупки его успокаивает.

— Хочешь меня снова трахнуть? — смеюсь я и пожимаю плечами, кладу руку на его бедро и тяну вверх. Горяч. Опасен. Великолепен. Красив. А тело после ночи с ним до сих пор дрожит. — Это не плохо. Возможно это даже хорошо, Никита...

— Ты рано радуешься. Возможно ты еще будешь жалеть, что я тебя спас, — отталкивает он мою руку, хватая за волосы. Сначала тянет к губам, но тут же опускает к паху. — Нам ехать пол часа в аэропорт. Постарайся чтобы мне было нескучно.

Глава 10.

Наклоняюсь и просто делаю то, что он просит. Расстегиваю ширинку и рукой лезу в боксеры. Никита зол и возбужден. И очень хорошо демонстрирует свои эмоции. Давит на голову, чтобы рот скорее принял идеальной формы член. И мне, наверное, впервые в жизни хочется это сделать. Хочется сделать минет, а не откусить.

Рот наполняется слюной, в нос бьет тонкий аромат мужского возбуждения. И самый кайф, что с каждым движением руки Никита вдавливая педаль в пол, набирая скорость...

Обвожу языком крупную гладкую головку, слизываю белесую капельку и почти слышу, как скрипят зубы.

— Ты сосать собираешься или решила опять в невинность поиграть? — бесится он, и его злость передается мне.

Когда-то давно меня научили подавлять рвотный рефлекс. И раз он хочет кончить, то пусть пеняет на себя.

Заглатываю член целиком, почти до гланд. Упираюсь носом в пах, чувствую, как Никита напрягается всем телом. Машину тут же ведет в сторону. Кто-то сигналил. Будет знать, как развлекаться за рулем.

— Су-ука, — почти воет Никита и сворачивает на обочину. Надеется на долгий, качественный отсос, но я парой резких движений довожу этого обиженного на мою профессию мальчика до оргазма.

Сперма почти сладкая стреляет в горло. Часть глотаю, но демонстративно сплевываю, когда выхожу из машины.

Потом долго смотрю на то, как медленно катится солнечный диск к центру небосвода. Никогда не любила солнце. Особенно после пяти лет в Арабских Эмиратах. Именно там меня как шлюху готовили в гарем к местному султану. Мне кажется, с резиновым членом я разговаривала чаще чем с людьми.

Дверь машины хлопает. Стою и жду очередной колкости, но он долго шаркает ногами. Сигаретный дым то и дело долетает с ветром. Потом приглушенный разговор по телефону. Судя по всему, с пилотом самолета.

— Есть вода? — спрашиваю я, поворачиваюсь и смотрю на его напряженное лицо через машину.

— А что, мой вкус чем-то хуже других, — злится он, но я вздергиваю бровь.

Ну, что за придурок.

— Я просто хочу пить. Или мне положена только твоя, отравленная злобой, сперма?

После небольшой войны взглядов он все же лезет в машину. Потом обходит ее и встает рядом со мной. Но дает попить только после того, как обсмоктал горлышко сам.

Детский сад...

— А мужикам что больше нравится? Когда ты сосешь, как невинная. Или, когда заглатываешь по самые яйца?

Горло, орошенное прохладой, тут же стягивает ожогом

обида. Отвожу горлышко бутылки от губ, слизываю остатки капель и вижу, как внимательно он следит за моим языком. Хочется плюнуть ему в лицо, но я понимаю, почему он спрашивает.

Вчера я выставила себя весьма невинной, а сегодня за пару мгновений довела его до оргазма.

— Ты мне скажи, — поворачиваю голову и упираюсь в злой взгляд. — Что тебе больше понравилось? Вчера ты умолял меня кончить...Ну, что ты так смотришь!? Да, я шлюха! Хочешь бросить меня прямо здесь?! Противно сидеть со мной в одной машине? Может быть ты боишься, что я заразила тебя чем-то?

Мой крик эхом разносится по полю, и я набираю воздуха, чтобы продолжить, но забываю, как вообще говорить, когда этот придурок хватается меня за горло и рычит:

— Лучше бы ты сдохла...

А потом нападает броском кобры на губы. Рукой сжимает затылок, чтобы не дергалась. Целует зло, остервенело, агрессивно. Почти совершает насилие, но и я в долгу не остаюсь. Вцепляюсь в его короткие волосы пальцами и тяну со всей силы. Кусаю губу и тут же чувствую вкус крови.

Никита отталкивает меня от себя и стирает с губ кровь.

— Дрянь... Садись в машину. Не мечтай, что я тебя оставлю. Ты у меня теперь в долгу...

— А может у твоего папы? — язвлю я. — Или хочешь сказать, что это были твои деньги?

— Не мои... Вот только убил ради тебя я. И трахать тебя буду тоже только я.

Мы молча садимся в машину, после чего молча доезжаем до частного аэропорта. И я чувствую, как меня трясет от противоречивых эмоций. С одной стороны, я чертовски благодарна, что он выкупил меня, что убил Марсело, а с другой хочется пришибить этого горе рыцаря. Он, судя по всему, не знает о благородстве ничего.

— Это частный аэропорт, — подаю я голос и тут же слышу шипение:

— А у тебя есть документы, чтобы поехать в обычный?

— Нет...

— Тогда просто закрой рот. Когда ты его открываешь, мне хочется заткнуть его членом.

— Ты мне почти в любви признался, — смеюсь я, чем злю его еще больше. Так что из машины он меня почти выволакивает и под руку, как заключенную, ведет в стеклянное здание аэропорта.

Там сразу в кафетерий.

— Кофе с виски. И сэндвич с ветчиной. Тебе что? — поворачивается Никита ко мне, пока я рассматриваю витрину. А за прилавком симпатичная девушка, которая недоумевает, что такая, как я, делаю с таким, как он.

— Можно все? — спрашиваю, на что кассирша открывает рот, а Никита только язвит:

— После работы аппетит просыпается?

— Нет, просто хочу стать толстой и некрасивой, чтобы тебя больше не возбуждать. Так можно мне поесть? Мне же нужны силы, чтобы удовлетворять своего любимого клиента, — веду рукой по его напряженной груди. Он тут же сжимает запястье пальцами. И не отпускает. И мне кажется, что больше никогда не отпустит.

И почему мне хочется, чтобы не отпускал.

— Мы вон за тем столиком будем, — платит Никита той же картой, с которой недавно снимал деньги. И мне даже интересно, заработал он сам хоть фунт? — Принесите все, что на витрине.

Мы пьем кофе, едим и почти не сводим друг с друга глаз. Как два соперника перед боем. Обстановка столь напряженная, что будь мы не в зале ожидания, а в спальне, сомневаюсь, что я осталась бы в положении стоя. Но несмотря на это. На его отношение, хочется сказать ему человеческое спасибо.

— Ты спас меня... Спасибо, — говорю я, проглатывая кусок круассана после того, как умяла два пончика и три сэндвича.

— Заебись... Было, кого спасать? — шипит он, потому что кассирша продолжает на нас поглядывать. — Живешь в дыре. Без документов. Сосеешь, как будто годы тренировалась. Ты хоть пыталась жить нормально? Ты хотя бы боролась за себя?

Есть желание заплакать, буквально зарыдать, но я не доставлю ему такого удовольствия. Он сам за мной пришел,

он сам решил нелегально вывести меня из Европы. В конце концов, он за мной вчера поплелся.

Пусть утрется, я не собираюсь оправдываться. Ни тем более что-то рассказывать.

Демонстративно выпиваю остатки кофе и забавляюсь тем, как его трясет.

— Ну и что ты молчишь...

— Моя задача сосать, а не развлекать клиента разговорами...

Он резко поднимается, так что стул его падает, но нашу ссору прерывает звонок, и он спрашивает меня по-русски.

— Знаешь русский язык?

Делаю вид, что не понимаю, о чем он. Пусть думает, что я дура. Обычно это и помогает людям выжить.

— То и значит, что нашел... Жду самолет Грановски. Думаю, часа через четыре будем в Москве. Отец! Я же сказал, что уверен! Это она! — рычит он в трубку и поднимается, а я маскирую смехок кашлем.

Не так в раю все хорошо, как кажется на первый взгляд. Но и в моем раю не так все хорошо, как я себе придумала.

Никита заканчивает разговор и кивает на самолет за окном. Небольшой, белоснежный, он приземляется, и сердце вскачь.

Не важно, что ждет меня в России, самое главное, что там будет возможность начать все заново. Если Никита мне позволит.

Потому что первое, что он делает, когда красивый пилот мной восхищается, говорит ему по-русски:

— Она тебе не по карману.

Глава 11.

Успокаиваюсь только, когда самолет набирает высоту. Наверное, был страх, что Никита передумает. Что поймет, какую головную боль купил.

Он скорее всего и понимает. Именно это и беспокоит. До сведенных скул. До третьего стакана виски. Как вспомню вкус, так плохо становится.

Меня пытались как-то накачать этой дрянью. И еще чем-то. Но все, что у них вышло, это оттирать мою рвоту со своих брюк, а не снять их.

Было смешно. Но за смех я поплатилась сломанным носом.

Спасибо и на этом. Больницы я любила всегда больше всего. Часто имитировала, чтобы оставаться там подольше. Иногда мне казалось, что вот этот добрый врач планирует меня удочерить. Ведь я рассказывала о своих бедах. Но в итоге это мне выходило боком и попыткой изнасилования в безопасных стенах больницы. После трех таких случаев я зареклась о себе вообще что-то рассказывать. Молчание – золото, и мне пришлось наступить не на одни грабли, чтобы это осознать. Всегда думала, да что же во мне такого, что пробуждает даже в самых добропорядочных мужчинах низменные инстинкты.

Даже сейчас, смотря в свое отражение в стеклянной бу-

тылке с минералкой, не понимаю.

Блондинка. Голубые глаза. Вечно припухшие губы. Как по мне, ничего особенного, таких миллионы. И только почему-то у меня на лбу как будто написано «продается». Вернее, даже не так. Вход открыт. Проходите, кто хотите.

— Любуешься?

Отрываю взгляд от себя и утыкаюсь в насмешку. Даже обидно, что Никита портит ею такие красивые губы. Ведь он умеет так красиво улыбаться. Еще сильнее будоражит его смех.

— Слежу, чтобы товар был в порядке. Ты как, сам планируешь пользоваться? Или меня ждут эротические приключения в России? — играю я бровями.

Никита может и хотел сказать что-то колкое, но внезапно смеется. А мне больно на него смотреть в этот момент. Как и ночью на парковке. Потому что именно такой смех заставляет влюбляться женщин, терять гордость. Терять себя.

Если, конечно, это может быть ко мне применимо.

— Черт... Ты слышала про цену. Тебя не проймешь. Я все жду, когда ты вцепишься мне в глотку. Начнешь орать, что у тебя не было выбора. Что я в отличие от тебя не знаю о реальности ничего. И вообще не имею права тебя обвинять.

Он отклоняется на кресло, а я отвожу взгляд от кучевых облаков за окном самолета и возвращаю внимание Никите. Он успокоился.

Только сам ли? Или помогли три бокала виски?

— Ну почему же. У меня всегда была прекрасная альтернатива. Ты сам о ней сказал.

— Смерть...

— Она родная. Она. Можешь мне поверить, мы с ней старые подруги.

— Ну теперь она тебя заберет только через мой труп, — заявляет Никита, и сейчас он сильно напоминает мне того мальчика, который так долго был для меня маяком во мраке грязи.

— Категорично... И что ты под этим подразумеваешь? — спрашиваю тише, делая новый глоток воды.

Сердце барабанит, горло пересохло, и мой язык, слизавший пару капель с губ, не остается незамеченным. Мне надо знать, что он имеет в виду. Мне надо знать его к себе отношение. Теперь особенно, когда первые эмоции улеглись.

— Ну не могу же я позволить взорваться тачке за пару десятков миллионов рублей.

— Мило, — кривлю лицо. Ну вот на что ты рассчитывала, что он в любви признается?

— Не дуйся.

Заняться мне больше нечем. Но лицо отворачиваю. Никита отцепляет ремень и чуть наклоняется вперед, теперь смотря на меня исподлобья.

— Я не желаю тебе смерти. Просто мне тяжело принять...

— Ты же все понимал! — резко выдыхаю я и неожиданно отшатываюсь. Его лицо слишком близко. А колено почти за-

девает мое. И почему в частном самолете кресла расположены настолько тесно?

— Ты прекрасно понимал, кем я стану. И ты бы им стал. Но тебе повезло, верно? У тебя появилась мама. Папа. Дом. Школа. Первый поцелуй. Первый секс в презервативе. Идеальная жизнь, о которой я не смела даже мечтать. Так что не смей меня обвинять! Нет никаких гарантий, что после секса с любителем вскрывать мальчиков, ты бы не вскрылся сам... — последние слова выплевываю ему в лицо и тоже отцепляю ремень.

Резко так. Надрывно. Словно оторвать хочу.

Давно во мне так не бушевали эмоции. Давно я не злилась на мужчину. Обычно единственное желание — это их убить. Чаще всего хладнокровное.

Вскакиваю с кресла, обхожу его и поворачиваюсь обратно. Смотрю в синие глаза, в которых даже не мелькнуло чувство вины. Да и откуда бы. Ему повезло. Мне нет. Расходимся.

— Я бы не вскрылся. А ты пыталась?

— Спрашиваешь меня о том, пыталась ли я покончить с собой? Или тебя интересует, трахали ли меня в жопу? — горько усмехаюсь я. — Ты даже не можешь пожалеть меня?

— А тебе это нужно? Жалость?

— Знаешь! Немного не помешало бы. Хотя бы попытайся! — срываюсь я и лечу. Еще немного и я действительно вцеплюсь в глотку.

— Мне жаль! Мне жаль, Алена, что ты стала проститут-

кой!

— Спасибо!

— Пожалуйста! – отвечает он столько же резко, и я отворачиваюсь, иду в сторону туалета, но натыкаюсь на стюардессу. Веллу, кажется. Она мне улыбается, предлагает воды.

И я пью ее, обхватив стакан дрожащими пальцами.

Вода сладчайший напиток для того, кто знает её настоящую цену. Проведя пять дней в пустыне Арабских Эмиратов, я знаю. Я вообще много чего теперь знаю.

— Мне не жаль... — шагаю обратно, пока он пытается успокоиться еще одним стаканом виски.

— Что? О чем ты?

— Мне не жаль, что я проститутка. Мне по крайней мере известна истинная цена человека. И то, кем он является – не важно. Важно, что он из себя представляет. Например, ты – ничего. Мажор, покупающий все и всех. Велика ли цена того, что ты остался на свободе?!

— Ты права. Ты, разумеется, права, и я подонок.

— Верно... — задираю подбородок. Неужели он все осознал.

— А еще я убийца...

— Это было...

— Необходимо, знаю.

Никита неожиданно встает, не сказав ни слова. Оглядывается по сторонам и довольно бодро проходит мимо меня. Потом резко дергает и заталкивает в скрытое на первый взгляд

помещение.

Здесь небольшая полутороспальная кровать. Бежевые тона. Кресла. До отвратительного мало места. А воздуха и совсем не остается, стоит стояку коснуться моей задницы.

Разворачиваюсь и почти падаю на кровать.

— Проблема в том, Алена, что я действительно подонок. Потому что буду тебя трахать, потому что купил. Но даже не это самое важное, — подходит он. Куда уж ближе.

— А что, — подкашиваются ноги, и я таю, словно ледники в глобальном потеплении. Не хочу, но его тело излучает аромат похоти, а дыхание виски только усугубляют ситуацию.

Перестань. Ты же все знаешь. Зачем ты так смотришь. Зачем ставишь колено на кровать между моих ног.

— Только то, что я бы трахал тебя в любом случае. Потому что ты сама этого хочешь... И мне очень интересно, скольких мужиков ты хотела до меня?

Его рука уже в волосах, затылок в плену, губы непозволительно близко, и я облизываю свои, потому что горло пересохло.

Упираюсь ладонью в его рот, второй останавливаю его пальцы, что уже лезут мне в штаны.

— Сколько? — спрашивает он сквозь барьер и вытаскивает язык, скользит им по коже, добавляя в тело огня.

— Тебе лучше не знать этой страшной цифры.

— Не сомневаюсь. Ведь одно дело, когда шлюха ложится и просто продает свое тело. А ты еще и удовольствие от этого

получала... Дрянью! Я прекрасно помню, как ты извивалась в оргазме. И очень хочу увидеть это снова. Покажи мне, как ты полюбила это...

— Пошел ты! Как ты правильно сказал, я шлюха. Так что максимум, на что ты можешь рассчитывать, это потыкать бревно своим сучком.

— Мой сучок еле в твой рот влазит, — усмехается Никита и проводит пальцем по моим губам. Сует внутрь, касается языка. — Рабочий ротик. Понравилась моя сперма?

— Я выплюнула ее. И не обольщайся, твой член самый обычный. Это инструмент. Им надо уметь пользоваться.

— Давай поспорим?

— Что? — теряюсь я в собственных чувствах от тянущей боли в волосах, от языка, что скользит по шее. Спаси... те.

— Буду тебя трахать. Если не кончишь, оставлю тебя до конца дня...

Меня тянет рассмеяться, но его рука уже в штанах, и там отвратительно мокро.

— Сука течная, — хрипит он, сдергивая с меня штаны и пробуя собственные пальцы в моей смазке на вкус. Господи. Кто вообще такое вытворяет? — Вкусная сука...

И я понимаю, что вот сейчас он помешан. Он не в себе. Смогу ли я на этом сыграть?

— Давай проверим и твою выдержку. Если кончишь, то ты оставляешь меня в покое. Навсегда...

— Нет, — отрезает. — Даже не обсуждается.

— До конца недели! — вспоминаю я, что сегодня четверг. Четыре дня спокойствия.

— Тебе не выиграть, так что ладно... — сдирает он с меня кофту и впивается в сосок, и я выгибаюсь, кайфуя от его губ и внутри себя смеюсь.

Этот дурак уверен, что важен оргазм, но еще не понимает, что мне нравится с ним именно процесс. Только с ним. Только, чтобы его губы спускались все ниже, язык забирался в пупок и вызывал острую нехватку воздуха. Ровно в тот момент, когда коснулся киски.

Глава 12.

Тело, нависающее надо мной, великолепный образчик мужчины. Лоснящееся от пота, оно двигается подобно машине. Отлаженный механизм прекрасно знающий, как доставить женщине удовольствие. Проблема в том, что вчера, несмотря на покупку, он не считал меня товаром. И я смогла сорваться в пропасть нирваны.

А сегодня к этому прибавляется желание Никиты доказать свое превосходство. На этом-то чаще всего мужчины и спотыкаются. Жажда быть во всем лучшем прекрасна, если так и есть. А вот если это мальчишечье соперничество, хвастовство, то хочется только погладить по голове. Но не кончить.

Стирая мне влагилице презервативом, теперь он о нем вспомнил, он забыл, что помимо физического удовольствия женщина должна полностью отключить сознание, расслабиться, поддаться похоти, забыть о проблемах...

Весь мир должен подождать, чтобы женщина испытала оргазм. Но мужчины идиоты, если думают, что секс может быть отделен от эмоциональной составляющей. Оскорбленная женщина, униженная, поруганная любимым мужчиной кончит в очень редком случае. Практически никогда.

И именно мерзкое отношение Никиты ранее помогает мне

выиграть этот раунд. И вот, со сладкой улыбкой я седлаю его, глажу идеальной формы тело, вижу, как в него стреляет похоть. В глазах не остается ничего, кроме яростного желания кончить.

И я помогаю. Седлаю, сладко улыбаюсь, пока его руки сжимают с силой вершинки сосков.

Тяну руку за спину, обхватываю пальцами переполненные мешочки и сжимаю мышцы влагалища.

Никита спускает пальцы с груди, вдавливая в мою талию, выгибается дугой, шумно и гортанно выдыхает.

И в этот момент он для меня не мужчина, а клиент. Причем такой, которому в лицо хочется плюнуть.

Он расслабляется спустя пол минуты, хотя все еще дрожит. Улыбается широко, по мальчишечьи, а потом замечает мое выражение лица.

— Блять, ты же так и не кончила...

— Нет, и теперь четыре дня ты ко мне не притрагиваешься, — напоминаю я, слезая.

На онемевших от скачки ногах подхватываю джинсы и иду к выходу. Никита подрывается, перегораживает выход. Со вздохом поднимаю глаза на его усыпанное капельками пота лицо.

— Или папа с мамой не научили тебя за свои слова отвечать? — судя по всему я нашла точку, на которую можно давить.

После того, как он убрал руку с косяка, милейшим обра-

зом улыбаясь, выхожу за дверь. Там сразу шмыгаю в туалет, где просто сажусь на унитаз.

Пытаюсь прийти в себя, но внутри все дрожит.

От него. От секса. От того, сколько трудов мне стоило пережить этот кайф и не кончить.

— Надеюсь, топиться не собралась? — слышится через перегородку вопрос и стук. Идиот... Ей богу.

— Планирую убийство. Пока не решила, кем ты будешь. Жертвой или исполнителем, — отвечаю и открываю кран. Никогда не понимала, почему туалеты в самолетах такие тесные.

Никита хохочет. Удаляется, я кривлю губы. Мне не до смеха. Вот совсем. И если честно, теперь я боюсь лететь дальше.

С ним.

Всего за сутки он всколыхнул то, что всегда спало. И теперь всем мои чувства обращены на него.

А самое главное правило проститутки. Не влюбляться в клиента. Любовь приносит много больше боли, чем насилие. И сгубило гораздо больше людей.

А Никита для меня самая страшная в этом плане опасность. Он слишком долго сидел в моей голове, сердце. Стал душой. И мне стоило огромных трудов затолкать ее вглубь сознания. И кто бы мог подумать, что эта «глубь» окажется такой мелкой. словно рана, на которой вот-вот насохла корочка.

Ополаскиваюсь, смотря на свое раскрасневшееся лицо в маленькое зеркало на стене.

Кто ты, Алена? А кем ты будешь теперь? Сможет ли Никита сдержаться или не озвучивать мою цену каждому второму мужчине, или мне придется убегать и пытаться начинать самой. Снова одна? Против всего мира. Выдержу ли я?

По крайней мере теперь мой долг не сделает меня уличной проституткой. А только презираемой всеми любовницей богатого бизнесмена. Ну или кем там собирается стать Никита.

Выхожу из уборной и снова сажусь напротив него в кресло... Он, читающий журнал, снова принимается на меня смотреть. Разглядывать. Я не остаюсь в долгу.

Чем тут же заслуживаю жадный взгляд на грудь.

Животное...

— Эти четыре дня будут самыми длинными в моей жизни...

— А мне кажется, они пролетят даже слишком быстро, — беру в руки принесенный чай. Остывший, разумеется. — И что потом? Снова марафон за марафоном? Ты кроме секса умеешь что-то делать?

— Пытаешься меня оскорбить? — поднимает Никита брови, на что я пожимаю плечами.

— Считаю, что я поддерживаю разговор...

— Мне кажется, твой язык для...

— Хватит! — повышаю я голос. — Хватит! То, что ты будешь трахать меня, достаточное оскорбление. Поэтому при-

мени свой грязный рот для чего-то другого... Поешь хотя бы...

Никита, смотрящий на меня во все глаза, снова ловит смехок кулаком, но я уже не реагирую.

Смотрю в иллюминатор и думаю, что как бы действительно в итоге не пожалела о спасении.

Тут нам объявили, что самолет идет на посадку, и в уши стреляет. Скорость такая, что все закладывает, а у меня еще с детства чувствительность к громким звукам.

Даже в клубы я ходила с берушами. Сейчас они бы мне тоже не помешали, потому что боль в ушной раковине стремительно нарастает. Пронзая и голову тоже.

— Ален, ты чего? — спрашивает меня Никита. Удивительно обеспокоенный. А мне срать. Мне бы избавиться от гула, что уже разрывает мозг. Господи, как больно! И даже руки, которыми зажимаю уши, не помогают.

Мельком улавливаю движение.

— Отвали, мне не до интима! — кричу, когда Никита садится рядом. — Придурок.

Он не отвечает, после небольшой борьба пихает мою голову себе на колени и зажимает ладони своим крупными и горячими.

Часть шума сразу отрезается, а боль становится мягкой, как будто зудящей.

Сквозь гул слышу его мягкий тембр:

— Я думал, такое только у детей.

Говорить не хочется, и я погружаюсь в мягкий сон, укутанная такой неожиданной заботой. Хотя, конечно, когда проснусь, Никита скажет, что просто заботился о своей покупке. Сволочь.

Но пока он не лезет в меня своим членом и не открывает рот, рядом с ним можно вполне приятно провести время.

Отдохнуть, укутанная запахом приятного одеколона, забыть о невзгодах, об оскорблениях. Наверное, именно сейчас, начни он меня ласкать, я бы даже смогла кончить.

И он словно мысли мои слышит, наклоняется и смачивает губы.

И я не сопротивляюсь...

Открываю рот, впускаю его язык, со смешком думаю, что мне гораздо удобнее, а он скручен как крендель.

— Кстати, — прерывает он ласку и смотрит в глаза. Затягивает в глубину своих синих омутов. Манит. Соблазняет. И я облизываю пересохшие губы. Внутри тянет и хочется получить то, что он сегодня так упорно пытался мне дать.

Руками. Языком. Членом.

Ну и кто здесь животное?

— Что?

— Думаю, секс окончательно избавит тебя от боли...

Да боже! — сажусь на свое место, тру уши, в которых еще стреляет и гневно смотрю.

— Четыре дня...

— А поцелуй...

— Считай, пожалела тебя. Жалко убогого, не умеющего подарить девушке один маленький оргазм.

Вижу, что уязвила. Он сжимает челюсти, приближает губы и рычит...

— А где ты видишь девушку?

Рука поднимается сама, жаждет причинить ему такую же боль, как его слова мне.

Но вот откуда это...

Я же всегда была хладнокровной. Именно холодный разум помогал мне выжить. И вот одна встреча с этим невыносимым типом, и я подвержена нелепым чувствам.

Он тормозит мою руку, сжимает запястье. Смотрит в глаза, но тут самолет касается шасси земли, и мы напряженные ждем, когда остановимся.

— Надеюсь, ты знаешь правила вежливости? — спрашивает Никита, когда мы выходим в душный воздух Москвы...

Я скептически смотрю сначала на него, потом на людей перед трапом.

— Очень жаль, что этим правилам не обучили тебя.

Глава 13.

Мужчины мне не знакомы, но вот женщины. Красивые, статные. Судя по стилю одежды – успешные. А судя по тому, как близко стоят к мужчинам, счастливые.

Я бы могла позавидовать, если бы не знала, что за все хорошее нужно платить. Мне очень часто об этом напоминали.

Женщин я знала. И если рыжую я припоминала смутно, то блондинку ростом примерно с меня, знала хорошо. Почему-то торможу, становится боязно, что и эти люди будут относиться ко мне столько же предвзято. И почему-то легкое касание пальцев по коже Никиты не успокаивает.

Все зависит от него. Я полностью в его руках и меня это пугает до дрожи...

Он проходит вперед и вот тут-то квартет нас замечает. Мужчины открывают глаза шире, словно женщину в первый раз увидели. Но при этом я не чувствую волн возбуждения.

Они просто не ожидали увидеть меня такой.

А какой, интересно?

Молчание стягивает мне горло, особенно некомфортно от взгляда мужчины, что, судя по форме челюсти и корневому росту волос, был отцом Никиты.

Неверие ко всему роду женскому у них в крови? Тогда, что пережила рыжая, чтобы заслужить помилование?

— Алена, – слышу голос блондинки, и я с благодарностью

выдыхаю. Теперь бы только с русским не облажаться. Одно дело мысли, слова это другое. — Ты меня не помнишь...

Да как же. Мужское имя у девушки запомнить несложно...

— Вася. Василиса. Вы были в гареме. Вас сложно забыть, — пока я складываю слова в предложения, она победно улыбается Юре. И в его взгляде появляется намек на оттепель.

— Тебя, судя по всему, тоже, — неловко смеется Вася. — Никита сразу тебя узнал?

Этот вопрос простой, но он поднимает в душе бурю. Воспоминания заполняют сознание. Но не о первой встрече, а той ночи, что повергла меня в шок. Порочная, грязная, она отголосками возбуждения всегда внутри меня.

— Нет.

— Да...

Разнобой ответов приводит в недоумение присутствующих. Мы с Никитой переглядываемся, и я сразу про себя оговариваюсь. Не мы. Мы не вместе. Есть клиент, есть шлюха, пусть не ждет от меня смены отношения.

— Ладно, погнали, — высказывается мужчина, уже взявший Васю за плечо. Сразу ясно, кто в доме хозяин.

— Я вернусь, и мы поговорим... — кричит мне она, пока ее как на аркане тащат в сторону самолета.

Его уже успели заправить. И пока они поднимаются по трапу, мы идем в сторону машин. БМВ. Довольно высокого класса. Но, что смешнее всего, дешевле моего тела.

Стоит гордиться, но я лишь злюсь. И на помощь Никиты, который по-хозяйски тронул меня за талию, не отвечаю. Наоборот, грызуюсь голосом ниже шепота:

— Четыре дня.

Он садится спереди, тогда как я оказываюсь сзади с его матерью. Странно, но я помню эту женщину, но еще помню, что за короткое знакомство она так и не упомянула, что мать Никиты.

Спрашивать неудобно, но и атмосфера в автомобиле не сказать, что дружеская. Так что я молча рассматриваю пейзаж за окном.

Мы прилетели к полудню, так что яркое солнце дает полный обзор изменившейся за пятнадцать лет Родины.

В сердце ничего не екает. Хотя я все детство и юность мечтала сюда попасть. Особенно в Санкт-Петербург. Говорят, там редко бывает солнце. А мне оно после пустыни как кость в горле.

— Алена... — начинает разговор мать Никиты, и я полностью к ней поворачиваюсь.

Рассматриваю волосы цвета меди и добрые глаза. Но добрые глаза зеркало души. Очень часто в этом отражении ты видишь лишь себя, но заглянуть внутрь не можешь.

— Меня зовут Мелисса. Это мой муж Юра. Ну а с Никитой ты уже знакома, — неловко смеется она, и сын быстро мелькает ухмылкой матери.

— А меня Алена.

— Ты могла не догадываться, но мы тебя искали.

Я бросаю быстрый взгляд в дернувшийся затылок, который на ярком солнце отливает медью...

— Твой след пропал в Ираке, — рассказывает муж Мелиссы, сосредоточенно ведя машину. — Но там начались боевые действия...

Меня как током прошибает.

В голову стреляют крики женщин, детей, мужчин. Взрывы. Мне кажется, я снова возвращаюсь в детство, когда бежала под пулями, сама не зная куда. Просто от страха и ужаса я не соображала. Особенно, когда рядом убили мужчину, а на саму меня нацелилось дуло.

Не хочется это вспоминать. Еще меньше хочется рассказывать.

— Я не знал, — слышу сиплый голос Никиты и хочу рассмеяться. Он ведь и сам был ребенком. Потерянным. Найденным. Его не посвящали в подробности. И мне хочется погладить его по голове, подсесть ближе, чтобы поблагодарить, что не забыл, что потребовал моих поисков.

— Получается, вы думали, что она умерла, — выносит он вердикт, и Юра сжимает челюсти. Бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида.

— Как ты спаслась. Вас было девять девочек во взорвавшемся фургоне.

— Я плохо помню. Только, что вылезала в окно, потом бежала, потом меня кто-то подобрал...

— Потом Гарем? — спрашивает Никита, снова на эмоции. Напридумывал себе опять. И я поддаюсь.

— Да, Никита, потом гарем. Извини, что не попала под перекрестный огонь. Они палили по взрослым, а дети успевали прятаться.

— Алена, — вдруг берет мою дрожащую руку Мелисса. Улыбается так тепло, как могла бы улыбаться моя мама. Та, которую я никогда не знала. — Теперь все позади. Ты дома и в безопасности. Тебя никто не обидит... Обещаю.

Мне хочется заплакать, но я лишь киваю. Хотя и понимаю, что Никита вряд ли оставит меня в покое.

— Я счастлива это слышать. Спасибо, что вырастили такого замечательного сына. Он спас меня...

— Можно без сарказма.

— Но ты правда меня спас... — наивно хлопаю глазками, пока он скрипит зубами, смотря на меня из-за кресла.

— А про замечательного...

— Мне кажется, — смеется Мелисса, расслабляя атмосферу. — Что ты сам должен решить, замечательный ты или нет.

— Самый лучший!

Вот уж сомнение здесь точно замечательное, кривлю губы.

Глава 14.

— Это теперь твоя комната, — открывает дверь Мелисса, и я, мельком взглянув на нее, прохожу внутрь.

Осматриваюсь с трепетом, охватившим все существо. Моя комната. Здесь светло, уютно, не пахнет пылью, мочой и прочими мерзостями. Все в сиреневых тонах, даже ковер...

Во всем трехэтажном доме очень приятно. Сразу видно, что здесь живет семья, а не чужие друг другу люди, как в тех домах, куда меня отправляли жить социальные службы Германии.

— Надеюсь, нравится? — спрашивает Мелисса и прикрывает за собой дверь. И меня пробирает дрожь. Назревает важный разговор, а что говорить — я не знаю.

— Очень нравится, спасибо вам...

— Не благодари. Ты столько пережила...

— Мелисса, — сразу ставлю барьер всем вопросам. — Мое пребывание здесь подразумевает ответы на ваши вопросы.

— Что? Нет! Нет! Я хотела поговорить о другом. Присядем? — она опускается на кровать и хлопает рядом, и я нехотя подхожу. — Тебе нужны документы. Имя у тебя есть. А что насчет фамилии?

Даже не думала об этом. Фамилии я не помню. А потом в ней отпала надобность.

— Я не знаю, — заявляю со смешком. — Мне, собственно,

без разницы.

— Тогда может быть Самсонова?

— Но разве это не ваша?

— Наша, — мягко улыбается мать Никиты и берет мою руку в свою. — Если бы мы нашли тебя в детстве, то удочерили... Сейчас можно поступить так же...

— Не надо, — тут же вскакиваю... Еще чего не хватало. Трахаться с братом. Пусть и только по закону. Но мерзости и так хватает. — За фамилию благодарна. Но давайте попроще. Иванова. Петрова. Сидорова. Попова...

— Иванова? — смеется Меллиса, и как раз в этот момент раздается стук в дверь. Входит довольно пожилая женщина. Но лицо кажется добрым. — Это наша Тамара. Ты ей скажи, что любишь поесть, она все приготовит.

Люблю.... Я поесть люблю. Разве важно, что именно?

— Вещи принесла. Думаю, ваши стоит постирать.

— А можно я сама... Постираю, — говорю я, принимая стопку вещей. Тамара удивленно смотрит на Мелиссу, но та опять сглаживает обстановку.

— Алена, в этом доме ты можешь делать, что хочешь. Иди полежи в ванной, переодевайся, посмотри телевизор... Отдохни. Потом спускайся к нам, скажем, к семи. — смотрю на настенные часы. Только четыре. — После ужина я покажу тебе весь дом...

— Даже западное крыло? — невольно улыбаюсь я, вспоминая случайно подсмотренный мультик.

Мелисса с Тамарой смеются. Первая звонко как колокольчик. Вторая душевно так.

— Чудовищ тут нет, — кажется мать чего-то о сыне не знает. — Так что даже западное крыло в твоём распоряжении.

— Мама! — из коридора кричит девичий голос, и я напрягаюсь. Непривычно слышать это слово.

— Ой, я пойду. А то Нютка тебя замучает вопросами... — идет к выходу Мелисса, и на прощание говорит: Алена. Ты дома и в безопасности. Ничего не бойся. И ни о чем больше не думай. Просто положишься на меня.

Я рассматриваю ее холеное лицо, не поддернутое печатью цинизма. Киваю.

— Я благодарна вам за эти слова.

— Тебе...

— Тебе, — пожимаю плечами. Она хорошая, только вот сын подкачал. И где же этот придурок, что напрашивался мне в проводники по дому?

Тамара тоже уходит, и я закрываю за ними дверь. Слышу через нее:

— Никита останется на ужин?

— Пока непонятно. Странный он сегодня.

— Из-за Алены?

— Не знаю. Может из-за ссоры с отцом.

Прижимаюсь плотнее к двери, но не слышу больше ничего, кроме веселого щебетания дочери Мелиссы — Анны. Ее я еще не видела. Как и младшего сына Сережу. Он на каких-то

соревнованиях. А муж и Никита сразу в кабинет ушли.

Очень интересно, что они будут обсуждать. Не потраченные ли на меня деньги? Но сейчас это не самое главное. Самое главное, что у меня есть своя комната. И я даже могу закрыться. Остаться наедине с собой и погрузиться в ничего неделание. Пусть даже временно.

Оборачиваюсь, смотрю на кровать, комод, шкаф... Поверить не могу... Это ж получается, у меня есть своя комната. И она больше уборной.

— У меня есть своя комната! — кричу со смехом и бегу к кровати. Прыгаю с переворотом и долго лежу, наслаждаясь запахом свежего, нового белья. Потом бессмысленно щелкаю каналы плазмы. Смотрю в окно на верхушки деревьев. Просто наслаждаюсь одиночеством и приятной тишиной.

Никита хочет меня трахать? Ерунда, если у меня есть возможность жить в такой комнате и получить собственные документы.

Как только они окажутся в моих руках, я просто исчезну. Начну новую жизнь и не буду бояться, что кто-то снова назовет меня шлюхой.

Ну а пока надо быть как можно незаметнее. Этому я научилась в совершенстве. Маскировка мой главный способ избегать насилия.

Поднимаюсь, поднимаю с пола упавшие вещи и беру полотенце.

Дверь закрыта, а значит я могу расслабиться. Снять сви-

тер. Джинсы. Остаться обнаженной и долго стоять посреди огромной ванной. С шальной улыбкой набрать воды с душистой ванильной пеной и с наслаждением в нее опуститься. Лежать. Думать, как мне повезло.

Что может быть лучше? Наверное, только еда.

Сдуваю с носа пену и опускаюсь под воду, задерживая дыхание... Кайфую. Досчитываю до шестидесяти и вдруг вынырываю, вытянутая за волосы...

Никитой...

Злым, невероятного красивым, и уже насквозь мокрым.

— Ты дура? Что удумала!?

— Если перестанешь пытаться сорвать с меня скальп, то я объясню, что если бы хотела умереть, то убила себя давно! — кричу в ответ и бью в его грудь с брызгами.

Никита убирает руки. Долго смотрит в глаза, потом переводит взгляд ниже. Тело скрыто пеной, но думаю с его воображением все в порядке. Моему много не требуется. Его торс облеплен мокрой тканью, открывая каждую выпуклую мышцу.

Он делает шаг, часто дышит, и я прихожу в себя.

— Четыре дня, помнишь?

— Не дури, ты же хочешь меня. Да и я бы не отказался принять ванну.

— Вот и прими ее в своей комнате! — повышаю голос, ополаскиваю Никиту водой, чтобы остудить жар, который весьма сильно выделяется в паху. — Как ты вошел?!

— О... я вошел через окно...

— А теперь выйди! — показываю на дверь из ванной. — Если, конечно, ты отвечаешь за свои слова. Помнишь? Четыре дня. Че-ты-ре.

— Отвечаю, — сводит он скулы, не прекращая буравить пену, которая уже начинает расползаться... Потом поднимает руки и начинает расстегивать пуговицы на рубашке...

— Ну и что ты делаешь?

— Раздеваюсь... Мне лазать по карнизам в мокрой одежде неудобно... — говорит, он уже распахивая рубашку, от чего у меня дыхание перехватывает. Работа над таким телом требует много часов. Идеальное тело... Не сильно вздутые мышцы качка, но при этом не сухие мышцы легкоатлета.

И там внизу тоже...

Сглатываю, поднимая взгляд. Вздрагиваю... Его лицо непозволительно близко, губы почти касаются моих. Я сползаю в воде. Боже, что он со мной делает?

— Уходи, Ник...

— Уверена? До семи времени много, и я бы не прочь провести его с тобой... — говорит он медленно, вкрадчиво, проводит пальцами по бортику ванны и ныряет рукой в воду. Совсем рядом с ноющей грудью. — Попроси сама...

Хочется. Очень хочется забыть, что он говорил, что он может разрушить шаткое равновесие моей жизни. Хочется просто отдаться эмоциям, что хлещут каждую клеточку моего тела. Но он клиент... Так что...

— Прошу, свали отсюда, пока я не закричала.

— Через четыре дня ты сама будешь умолять меня о члене.

— Хочешь снова поспорить? — предлагаю со смешком. — Еще на четыре дня.

— Не надейся. Я сейчас уеду, но вернусь. И твоя задача встретить меня готовой, — голос становится злым, а рука в воде медленно ведет выше, совсем близко с острым соском. — Раком...

Закрываю глаза, потому что еще секунда и я буду готова сделать все, провалившись в два синих омута. И спустя пол минуты слышу, как он уходит.

— Подонок... — шепчу в пустоту ванной, но, вылезая, замечаю мокрую рубашку на полу и подбираю... — Красивый подонок.

Глава 15.

— Добавки, Алена? — спрашивает Тамара, а я с довольной лыбой киваю. Никогда ничего вкуснее не ела.

— Так что это? — спрашиваю, пихая в рот очередную ложку супа. — Как называется?

— Солянка, — смеется она, меняя передо мной тарелку. На кухне. Потому что в столовой я так и отказываюсь есть.

Сначала я пришла, как полагается, в семь вечера на ужин. Но вопросы посыпались на меня как из рога изобилия, и каждый забивал гвоздь в мое хладнокровие. Дышать становилось тяжелее, а воспоминания убивали любую возможность быть адекватной и не вывалить на счастливых домоладцев всю грязь этой жизни.

Я не выдержала и после пары ответов извинилась и вышла. Скорее выбежала, как ошпаренная индюшка. И вот уже который день я поглощаю еду рядом с искренней, разговорчивой Тамарой. Она может сматериться. Она много ведает о домочадцах. И к концу четвёртого дня нашего с Никитой уговора я знаю о них почти все.

Юра глава дома. Бывший детдомовец, сидел, сделал себя за счет шантажа богатых извращенцев. Мелисса встретила его после смерти родителей в том же детдоме, где стала насильно его любовницей, а через восемь лет насильно женой. Где-то между этим она успела родить Никиту.

Интересные родственники у него. Да и сам он интересный. За четыре дня звонил восемь раз. О чем разговаривал с матерью — не знаю, знаю только то, что после каждого звонка она стучала ко мне в спальню и спрашивала: «Как дела?».

Ну вот как у меня могли быть дела? Превосходно!

Я просто лежу, просто гуляю по придомовой территории, наедаюсь, впрок, слушаю музыку, плаваю в бассейне и иногда балуюсь, перепевая песенки на разные языки.

Одним слово, как там говорит матершинница Тамара «ебу вола».

Но при этом, как бы я не была занята.... Не было ни часа, чтобы я не подумала о Никите. О том, как я вопреки всему жду, когда он вернется. Когда возьмет то, что купил.

Я, конечно, себя ругаю, но тело-то не обманешь... Оно порой само непроизвольно вспоминает, какого это быть во власти того, кто не противен. Кого не боишься.

Звук открывающейся двери заставляет меня вынырнуть из порочных мыслей.

— Аленка! Пошли купаться! — тут же виснет у меня на шее Аня. И отказать ей — значит ждать взрыв. Так что...

— Пошли, егоза...

— А ты подкинешь меня? — душит она меня тонкими ручками, которые я еле отцепляю... Нашла она себе новую игрушку. Считает, что весь мир крутится вокруг нее.

— Только если к потолку, — встаю я все-таки из-за стола, несу тарелку в раковину. Тамара как обычно не дает мне ее

помыть.

Неудобно.

Неудобно, что в комнате порой прибираются. Вещи стираются. А мне не дают сделать элементарного. Мне нравится здесь, но я жду не дождусь момента, когда смогу уехать. Жить самостоятельно. Я не хочу никому быть обязанной.

— Спасибо, Тамара, было очень вкусно.

— Я все жду, когда ты хоть на грамм поправишься, — улыбается она, осматривая мою худосочную фигуру. Яжимаю плечами.

— Кто знает, может и поправлюсь... — хочу еще сказать спасибо, но темноволосая коза уже тащит меня к бассейну. Он крытый, за домом, с горками и надувными матрасами, так что плаваем мы почти круглосуточно.

Аня добегают до бортика. Почти на ходу сдергивает свою тунику и бросается в воду. Я успеваю снять свою за долю секунды до того, как меня окатит водой. Правда от визгов не спрячешься. Но не подаю вида, как меня раздражают громкие звуки...

Прыгаю за девочкой следом. И как только пальчиков ног касается вода, раздражение уходит. Моя стихия...

Вода удивительно теплая, почти морская. И смех счастливой Ани настолько заразительный, что я невольно забываю о всех невзгодах.

— Ныряем! — кричит она и уходит под воду, а я за ней. Но стоит нам со смехом вынырнуть, как глаза Ани загораются

пуще прежнего, и меня оглушает новый крик:

— Папа!

Девочка летит по воде к серьезному Юрию в костюме. Он ловит ее, вытирает полотенцем, бросив на меня один лишь нечитаемый взгляд.

Но от него становится не по себе. В душе стягивается узел, и, как бы женщины не старались, мне именно сейчас становится ясно: я здесь чужая.

— Это что за купальник? — хмурится отец, рассматривая отдельные блестящие тряпочки на юном теле. Говорила же ей, давай сдельный закажем. Но разве переубедишь эту принцессу?

Аня усугубляет ситуацию, покрутившись перед отцом обновкой.

— Новый. Мы с Аленкой выбирали. Позавчера привезли. Нравится? — спрашивает она, и я заранее переживаю за ее будущее. Отец вечно в разъездах, мать позволяет ей буквально все.

— А чем плох старый?

— Ну Алене нужен был купальник, и мы выбрали мне такой же, — идеально, виноватой сделать меня. — У нее еще татуировка есть, я тоже хочу.

Боже. Аня, остановись. Судя по напряженным скулам, в голове у Юры почти взрыв.

— Иди переодевайся. У тебя скоро занятия.

— Пап!

— Иди, я сказал!

Аня, махнув мне рукой, убегает в сторону комнаты, я продолжаю нарезать круги. Меньше всего мне хочется вылезать из воды под взглядом этого мужчины. Он мне не приятен. Особенно после того, что о нем рассказала Тамара. Таких я повидала много. Они не считаются с людьми ради достижения целей. Даже с близкими. И цели могут быть, какие угодно благородные.

— Как вы, Алена? Освоились?

— Да, спасибо, — лучше односложно. Лучше быть невидимой.

— Да... — он замолкает, продолжая наблюдать за мной. И вдруг спрашивает: — Можно мне говорить с вами откровенно?

— Разумеется... — по коже начинает ползти мороз, и хочется рвануть в сторону. Но я остаюсь стоять по плечи в воде и смотреть ему в глаза.

Злые. Серьезные. Такие бывают перед тем, как избить ремнем ребенка.

— Я не буду говорить Мелиссе. Мне не хочется ссориться с женой, но мне бы хотелось, чтобы вы не оказывали влияния на Аню. Я понимаю прекрасно, ваше прошлое не ваша вина, но она ребенок и растет в другой среде...

— Предполагаете, что я начну рассказывать, как меня учили совать в зад пробку в ее возрасте?

Юра подбирается, сжимает кулаки. Прокашливается. А

мне хочется продолжить. Рассказать все те примочки, которым учат девственниц, чтобы при лишении девственности они смогли обслужить шейха по полной аморальной программе.

— Нет. Уверен, вы этого делать не станете. Просто...

— Просто мое прошлое слишком запятнано для вашей девочки. Я поняла.

— Я не хотел вас обидеть.

— Да, вы не хотите. Но делаете это превосходно. Теперь ясно, в кого ваш сын.

— Я горжусь Никитой, — бычится он, выставляет грудь, и мне хочется рассмеяться. Только смех в присутствии этого человека кажется неуместным.

— Даже не сомневаюсь, — лишь усмехаюсь и чувствую, что начинаю мерзнуть. Так что придется вылезать. И прекрасно знаю, какой эффект произвожу на мужчин, поэтому сразу заворачиваюсь в полотенце. — Судя по всему, умение клеймить людей он взял у вас. Лучше скажите, когда будут готовы документы? Буду с вами откровенной. Дабы не вносить в ваш святой дом свой порок, я хочу сразу, как получу, их уехать.

Юра молчит почти пол минуты, а потом кивает.

— Через недельку я привезу паспорт, права, аттестат... — это в школе который? — Не распространяйтесь об этом. Тем более жена хочет пристроить вас в благотворительный фонд. Но уехать это лучшее решение. Я найду вам жилье и работу,

как делаю для всех, кто...

— Нуждается... Спасибо, о большем просить бы и не смела.

Как все оказалось просто. Такому замечательному политику, каким оказался Юрий, не нужна в доме бывшая шлюха, ведь она может кинуть пятно на будущую компанию. На его детей и жену. А как показать меня гостям. Как объяснить, что за девка поселилась в доме?

И не важно, что целью Самсоновых как раз было защищать таких, как я. Как же легко потеряться в собственных целях и мотивах.

— Рада, что мы друг друга поняли... — киваю я и прохожу мимо него. Даже смотреть не хочу. Иду через пустую кухню, впитывая в себя запахи еды и уюта. Потом сразу наверх, в спальню. Уже на входе, скидываю полотенце, чтобы принять душ...

Но замираю, ошеломленная наглостью того, кто роется в моем белье.

— А ты еще кто такой?!

Глава 16.

От комода, где лежат мои немногочисленные пожитки, отрывается, потом поднимается во весь свой немаленький рост парень. Весьма привлекательный по современным меркам, но уже с печатью порока на лице. Это видно еще по тому, как он обшаривает взглядом мое тело, облаченное в тонкие полоски блестящего купальника. Такие парни – завсегдатаи стриптиз баров, такие любят легкую наживу, если папочка не подогнал наследство. Этому повезло, как и Никите. Судя по брендовым шмоткам и красным кроссовкам.

Но молчание затягивается, а оценивание друг друга переходит все разумные рамки приличий. И я повторяю свой вопрос:

— Кто ты такой и что ты делаешь в моей комнате?

— Привет, красотка... — задерживается он на груди и скользит взглядом по лицу. — Знал бы, какой Никитос клад тут прячет, давно бы с тобой познакомился.

Противно до тошноты. Я вспомнила этот голос. Этот парень был в Амстердаме, среди тех, кто тусовался в клубе, а потом снял девчонок. Звал Никиту с собой. Теперь этот кобель шарит в моей комнате и судя по дыханию, уже раздел меня и трахнул. Во всех известных позах. В своей тупой башке.

— Кто сказал, что у меня возникнет желание? - поднимаю

упавшее полотенце и бросаю в кресло у выхода.

Парень откидывает свои темные, густые волосы, сверкая белозубой улыбкой, смеется. Очевидно я должна прямо сейчас упасть в ноги и молиться на его красоту. Только вот если от смеха Никиты шли мурашки, тот тут скорее хочется вызвать скорую. Ну а вдруг ему плохо?

— Любое желание можно чем-нибудь подпитать. Твое тоже, — поднимает он густые брови и делает шаг вперед... Цель ясна, но меня она не устраивает. И я ухожу в сторону. Значит Никита продолжает изображать моего сутенера? Ожидаемо, хотя я и надеялась на лучшее. Да что уж там говорить, верила...

Не отвечаю на заигрывания. Делаю шаг в сторону, а парень уже возле меня, сбивает дыхание захватом плеча. Больно, но не на ту напал.

Я замахиваюсь, делаю вид, что беспомощная аквариумная рыбка. Но как только он двумя руками перехватывает мои руки, трется членом о бедро, смотря сверху вниз, у меня появляется шанс... Стоит только обворожительно улыбнуться, чтобы он потерял ориентацию, и резко поднять колено. Насладиться приглушенным стоном.

Вы знали, что, когда мужик твердый, удар по яйцам ощущается сильнее? Именно поэтому они так просят беречь их отростки от жестокости и зубов. Нежные натуры. Вот и парень согнулся, но и я просчиталась.

Стоило сделать мне шаг к ванной, как он хватает меня за

талию и буквально впечатывается бугром в зад...

— Я не такой чувствительный к боли, девочка... Ну так что, назовешь цену?

— Вижу, с Камилем ты нашла общий язык быстрее, чем со мной? — слышу сзади голос, и парень, то есть Камиль, резко меня отпускает...

Сглатываю, представляя, как это выглядело со стороны. Но оправдываться пропадает желание, как только оборачиваюсь и вижу этого сверкающего белизной рубашки красавца. Не иначе как с политического обозревателя сошел.

Четыре дня. Я не видела своего палача и любовника четыре дня. Но как будто вчера эти искривлённые губы касались моей промежности, острый язык вылизывал от ануса до киски. Снова и снова, доводя меня до края безумия. Я и сейчас эхом слышу свой стон... А он слышит? Он помнит, что вытворяли с моими сосками его губы?

Теперь они могут лишь презрительно изгибаться, демонстрируя всем своим видом, кто я такая.

— Никитос, она просто идеальна, — благоговейно выносит вердикт красавчик и обходит меня со всех сторон... Я привыкла к осмотру. Вот только трогать не все рисковали, а некоторые попытки оканчивались кровью. И сейчас я к этому близка. — Бля... Такой зад. Ей в модели надо...

— Да, там ей будет самое место, — говорит почти равнодушно Никита, а я все так же молчу, стоя перед ними в купальнике, как голая. Вижу, что равнодушие напускное, а на

самом деле он готов взорваться... Смотрит он на меня, словно я уже успела отсосать Камиллю и денег за это взять. — Ты уже определилась, кем хочешь работать? Могу договориться насчет кастинга?

Решало, блин...

— Не сомневаюсь, — цежу сквозь зубы, рассматривая лицо, которое представляла над собой столько времени. Не собиралась сопротивляться. Мечтала, как он ворвется в комнату, как нагнет меня и скажет, что пришел взять свое. А по факту... По факту мне противно, если он посмеет ко мне прикоснуться.

— Эй, зачем работать... Столько девок просто сосут мужикам и катаются на порше... У меня стати есть один такой.

— Мужик, которому ты сосешь ради порше? — вырывается у меня, и Камиль округляет глаза...

— Воу, воу, девочка. Полегче... Я, знаешь ли, легко воспламеняемый... Могу и обжечь, — смеется он пошло, продолжая жечь грудь наглым вниманием, пока Никита сверлит взглядом лицо. — Но я так понял, тут уже терки со старым порше... Так что я подожду своей очереди... Я так-то вообще не жадный... Люблю делиться подружками... Да, Никитос?

Он делает шаг, но разворачивается, резко притягивает меня к себе.

Хочет поцеловать, но я отворачиваю лицо, так что его жесткие, сухие губы касаются щеки. Затем влажный шепот

обжигает ухо:

— Я буду добрее, чем этот неандерталец...

Новый потенциальный «покупатель» отходит к двери. Выходит. И я, уже пылая всеми чертями ада, взбешенная от того, что только что произошло, набираю в рот воздуха. Хочу закричать, но слова Никиты сдувают меня как шарик.

— Мама ждет тебя к обеду. И оденься прилично, чтобы не думали, что ты на работе...

Презрительные слова поднимают новую волну ярости, бурю обиды, но я не успеваю и выдохнуть, как дверь хлопает. И все, что я могу сделать, это ударить в нее кулаками от бессилия. Стечь по ней ручьем с горьким рыданием и попыткой убедить себя, что это просто чувства. Это просто плата за жизнь вне улицы. Ведь за все нужно платить.

Документы? Да кому они нужны. Я жила без них столько лет... Почти без происшествий. Можно сказать, что потеряла. Можно наврать с три короба. Можно просто собраться и уйти. Не важно, как далеко. Пока у человека есть ноги, а к башке не приставлен пистолет, он может уйти куда угодно.

С этой мыслью поднимаюсь с пола, опираясь на дверь. Иду к шкафу. Там лежит рюкзак. В нем те пожитки, что были на мне, когда я здесь появилась. Беру его и почти без эмоций готова попрощаться с очередным временным пристанищем.

Впервые за много лет мне было спокойно и безопасно, впервые я буду готова расплакаться, прощаясь с местом.

Но даже здесь любой может зайти в мою комнату. Любой

может предложить мне цену. Камиль – лучший друг Никиты. Теперь мне очень интересно знать, сколько друзей у Камиля. И сколько друзей у друзей Камиля.

Лучше сама.

Лучше одной.

Лучше перестать верить в хорошее в людях. Порой кажется, что стоит детям повзрослеть, достигнуть определенного возраста, они начинают гнить изнутри.

Но подойдя к двери, я снова пячусь назад. В комнату входит Мелисса. Уже облаченная в блестящую, зеленую ткань, идеально контрастирующую с ее медным шелком волос. Без стука.

— Тебя когда-нибудь насиловали? — спрашивает она в лоб, и голова начинает кружиться. Попытки, попытки. Попытки. Сотни мерзких рук и членов, самых разных форм, размеров и цветов. Порой казалось, что меня всегда окружали не люди, а звери, никогда не видевшие женщин. И я так верила, что, приехав сюда, попаду в сказку. Дура...

— Нет. Меня не насиловали, — чеканю без эмоций. Стою прямо, спина настолько вытянутая, словно меня подвесили на крюк, а ноги при этом ватные.

— Но били... - наклоняет она голову.

— Да.

Боль давно перестала быть для меня чем-то удивительным, наверное, поэтому не испытывая ее, я так кайфую.

— Я не знаю, что происходит между тобой и моим сыном,

— кивает она на рюкзак, пока я ловлю воздух, как рыба на песке. — Он не говорит, а тебе сказать гордости не хватит. Только спрошу. Разве унижение от его мажористой задницы стоит того, чтобы уйти в никуда? Чтобы не попытаться стать человеком, занять дом, друзей, будущее, а не просто остаться сексуальной блондинкой с темным прошлым без документов? Стоит?

Именно в этот момент я понимаю, что Мелисса мне нравится. Она не дура, она все заметила. Все поняла. И дело не в том, что она права, и мне лучше перетерпеть, а в том, как она назвала своего сына.

Хотя мурак подошло бы больше.

— И чтобы совсем тебя порадовать, скажу, что Юра Никите запретил заниматься с тобой сексом, — да ладно?! — Не смотри так. Сумма, потраченная на тебя, выходит за все пределы разумного, а Никита явно не сразу тебя узнал.

Вот даже как... Какие удивительные подробности.

— А чем ему грозит секс со мной? — спрашиваю тихо, пока в голове зреет план мщения. Отчаянный такой, опасный, особенно учитывая, как долго и часто я собираюсь держать Никиту возбужденным.

— Проездной на метро... — со смешком говорит Мелисса, и я фыркаю. Он будет сдержан как никогда. Это интересно. Это прыскает в кровь адреналин. Значит папаше надо застукать нас, и Никита останется без машины.

Парень, ты хоть понимаешь, что ты попал?

— На сколько? Мне же надо знать ставки.

— Пока не заработает на машину сам, — подмигивает мне Мелисса, и я впервые ей искренне улыбаюсь. — Спускайся на ужин. Там собрались взрослые, серьезные дяди, так что у нас будет время посекретничать.

— Я бы не хотела...

— Твое отсутствие вызовет массу вопросов, а так я представлю тебя как свою помощницу... Как тебе такая идея?

— Благотворительность?

— Да, — кивает Мелисса. — Будем выбивать деньги из толстосумов для сиротских приютов и больных детей. Чем больше у нас подотчетных ребят, тем меньше шансов у них повторить твою судьбу.

Вспоминая отношение Юры ко мне и желание скорее избавиться, задаю последний вопрос перед тем, как хозяйка дома уходит.

— А Юрий. Ваш муж. Для него благотворительность это цель его служения народу или маркетинговый ход?

Мелисса останавливается, барабанит тонкими наманикюренными пальцами по косяку. И только спустя десять долгих секунд поднимает на меня взгляд. В нем столько боли, столько желания быть понятой и прощенной.

— Я люблю мужа. Очень давно и весьма болезненно. Я могу простить ему практически все. Даже не так. Я могу простить все. Я стараюсь делать его лучше, но, когда мужчина всю жизнь барахтается в грязи, ему сложно быть... Нормаль-

ным. Как и любой другой бизнесмен он со временем приобрел двойные стандарты. И именно это передал сыну. Дочь я стараюсь в это не вмешивать, она, как ты заметила, растет...

— Как аленький цветок, — подсказываю я.

— Да. Я не оправдываю их, лишь прошу понять, что ягненок в мире волков не выживет. И эту истину Никите внушил отец. У него была цель когда-то найти тебя, но в какой-то момент...

— Не объясняй, я не хочу знать судьбу бедного мальчика, потерявшего подружку и из-за этого обозлившегося на всех женщин. Просто это смешно, учитывая, что порой на самом деле переживают дети.

— Я это понимаю...

— Но ответ на мой вопрос...

— Маркетинг, Алена. Для него уже очень давно маркетинг... Пусть он обманывает сам себя. Но мне со стороны виднее.

— Спасибо за честность, — поджимаю губы и хочу отвернуться. Хочется кричать от того, как быстро добро становится инструментом власти. Как быстро белый снег желтеет, потому что кому-то захотелось помочиться...

— Спасибо, что выслушала. Я не каждому могу это рассказать, — улыбается она и кивает на шкаф. — Надень синее, что я тебе подарила. Если собралась мучать моего мальчика, делай это с шиком. А я буду наслаждаться. Поверь, он привык иметь все, что хочет...

А меня он очень сильно хочет.

— Спасибо Мелисса... — бросаю я рюкзак, который весь разговор висел на плече, словно признак моих сомнений. Теперь их не осталось. — Ужин в семь?

— Думаю, тебе можно немного подзадержаться, — подмигивает она, закрывая за собой дверь.

Я же подхожу и щелкаю замком. Теперь буду закрывать и по уходу. Хочу пройти в душ, но слышу через открытое окно русский мат. Любопытно...

Подхожу осторожно, чтобы даже движением шторы не выдать себя, и выглядываю наружу.

Как раз в тот момент, когда Никита силой запихивает Камиля в красную спортивную тачку. И тот со смехом заводит двигатель, кидает: «Ебнутый Отелло» и уносится. А я отчетливо наблюдаю, как Никита разминает пальцы.

То есть сказать «заткнись» другу он не мог, чтобы я, не дай бог, не подумала, что он меня защищает, а ударить Камиля за наглость без свидетелей – пожалуйста.

Злишься, что не возьмешь то, что так хотел? Злишься, что мое тело больше вне твоего доступа?

Он словно слышит мои вопросы, поднимает взгляд и долго, напряженно вглядывается, а я растягиваю губы в хищной улыбке, прекрасно понимая, что очень скоро мальчик останется без любимой машинки.

Потому что моя зависимость от него и его тела прямо пропорциональна его зависимости от меня.

Берегись, Никита. Лучше всего я умею убегать и прятаться, но еще лучше — соблазнять.

Дожидаюсь, пока он зайдет в дом и выхожу из укрытия. Снимаю купальник и долго рассматриваю свое тело в зеркало, представляя, как на нем будет смотреться синее трикотажное платье с клеш от колен. Особенно представляя, сколько раз Никита захочет порвать его в клочья.

Нет ничего лучше, чем бродить рядом с голодным зверем, который не может тебя укусить.

Глава 17.

— Впервые чувствую себя глупо из-за совета, — тихо шепчет мне Мелисса, и я поднимаю глаза. Ну, ясно. Её волнуют взгляды присутствующих, особенно Никиты. Он разве что вилку не погнул в своей руке. Но мне и дела нет, потому что курица в сливочном соусе тает во рту. А когда слизываешь с пальцев остатки, кажется, что попала в рай. И не важно, что при этом серьезные мужские разговоры то и дело прерываются.

— Не волнуйся, мне все равно.

— Ну тебе-то понятно, — тихо усмехается Мелисса, — а мужчин скоро придется выносить.

Я пожимаю плечами, отпивая вина из пузатого бокала. Что бы еще съесть?

— Ты не наелась? — спрашивает сквозь зубы Никита через стол, и я качаю головой.

— Подай мне вон те грибочки, с крупными шляпками, — улыбаюсь я и беру блюдо, что он мне протягивает, при этом то и дело касаясь взглядом ложбинки, в которой мотыляется подарок Мелиссы. Голубой камушек.

— Алена, а в каком университете вы учитесь? — спрашивает мужик с красным галстуком, и, судя по его сальной роже, его совсем не мое образование волнует. На самом деле, да... Не знаю, о чем думала Мелисса, приглашая меня на

обед. Но о серьезном разговоре забыли ровно в тот момент, когда Никита пододвинул мне стул.

И что с его стороны совершенно неожиданно — молча.

Я только хочу открыть рот, сказав, что не учусь. Даже Мелисса готова что-то сказать, но затянувшуюся тишину, словно театральную, нарушает Никита.

И звук его голоса вынуждает меня подобраться, чтобы в случае чего выбежать из-за стола.

— Алена учится на факультете иностранного языка в МГУ. Заочно, потому что ее знание языков давно уходит за пределы университетского образования.

Сглатываю, и словно стягивающий горло ремень распускается. Ладно... Хотя мог при этом не так выразительно смотреть на мой рот.

— О, — включается в разговор синий галстук, именно так я и могу различать этих с иголки одетых мужчин, что кажется, как и я, наедаются в прок. И судя по величине пиджаков, прок там на несколько лет голодовки. — Я как раз был во Франции. Могу устроить вам экзамен прямо сейчас.

Его шутка кажется смешной почти всем. Только вот Никита поджимает губы, а я растягиваю свои губы в улыбке и произношу на чистейшем французском:

— Avant de passer l'examen, tu apprendras à parler français. Cul russe.

Минутное молчание и все начинают смеяться, а громче всех синий галстук. Да так, что даже похрюкивать начинает.

Карикатура, да и только.

— Шикарно. Чистейшее произношение. Вы сказали, — щелкает он пальцами, а значит понял совсем немного. — Что готовы сдать экзамен, русский господин.

Не понял ничего.

— Да, — теперь смешно и мне. — Конечно... Именно это я и сказала.

Хочется рассказать, как я оттачивала это самое произношение в одном вертепе, волей судьбы работая на телефоне, потому что в тот момент мое тело было непригодно для продажи. Ненавижу этот язык. И тех, кто говорит, что он красивый, тоже. Лучшие моменты сексуальности они изворачивают в звенящую пошлость.

Тут под разговоры о Франции и понимание, что синий галстук вряд ли покидал номер своего отеля, чувствую пинок носка. Перевожу взгляд на Никиту.

Он чем-то недоволен, а ко мне через стол подкатывается его смартфон с текстом. А именно переводом брошенной мною фразой.

«Прежде, чем принимать экзамен, научись говорить на французском. Русская жирная задница».

Неплохо. Очень неплохо. Кажется, с образованием у Никиты лучше, чем с воспитанием.

— Жирной там не было, — пишу ему в ответ и отправляю телефон обратно, а в это время Юра своей властной рукой политика возвращает разговор в серьезное русло. Надо при-

знать, делает он это мастерски. Сразу видно, что этих толстосумов, обремененных властью, но не мозгами, он привык держать в узде своего авторитета.

И именно он решает, когда ужину пора подходить к концу.

— Когда будете подыскивать работу, позвоните мне, — передает мне свою визитку толстый хрен с бегающими по моему декольте глазенками. — Мне очень нужны такие способные сотрудницы.

Визитку вместо меня забирает Мелисса и с вежливой, но убийственной улыбкой говорит:

— Такая корова нужна самому. У Алены заключен контракт со мной.

Первой фразы я не понимаю, но судя по всему, это смешно. Потому что все улыбаются.

И спустя пару минут, вопрос Никите о его предвыборной компании мужчины наконец уходят. Замечаю, что время давно перевалило за девять, а значит к Ане я зайти уже не успею.

— Значит вы не против помогать Мелиссе, — спрашивает меня Юра, и я качаю головой.

— Пока она этого хочет.

— Отлично, думаю, нам с ней как раз нужно обсудить этот момент, — говорит он и утягивает закатившую глаза жену в кабинет, но прежде говорит Никите: — Отличная ложь, сынок.

Меня сейчас стошнит. И я показываю это всем своим ви-

дом, когда мы остаемся с Никитой наедине. Я уже предчувствую конфликт. Он несется на меня как товарный состав без тормозов.

— Итак, мы выяснили, что лжешь ты лучше, чем трахаться, — смотрю прямо в глаза, что полыхают ледяным пламенем.

— Отрезать бы тебе язык, но не могу оставить тебя без основного рабочего инструмента.

И двойственность этой фразы так и веет обидой и гневом. Смотрю в его напряжённое лицо. Колкий взгляд то и дело скользит по моей шее и линии низкого декольте. Именно так, как весь вечер. Именно так, что кожу в местах зрительного контакта нещадно жжет.

— Никита... — слышим бас его отца за углом, и сын раздражённо дергается.

— Я помню!

И меня снова пробивает на смех от того, каким большим и серьезным хочет выглядеть старший сын Самсонова, а на деле лишь маленький мальчик, которому запретили трогать любимую игрушку.

— Что смешного?

— Ты, — пожимаю тонкими плечами, облизываю губы и снова смеюсь с того, как перекосило лицо Никиты. Кажется, проведи я пальчиком по его щеке, и он сорвется как голодный пес на кусок свежего мяса...

Хочу его обойти, подразнить обтягивающей тканью платья, но рука впивается мне в горло. Мать вашу... По телу словно пускают ток, и вот губы уже так близко, словно магнитом манят меня прикоснуться.

— Еще никто не смел надо мной смеяться...

— Еще никто не смел надо мной смеяться... – передразниваю я и сама тянусь к его губам. Облизываю свои и жду, когда хороший мальчик протянет свои шаловливые ручки к плохой девочке.

Но надо отдать должное. Он отталкивает меня. И уходит. Просто и молча уходит по лестнице вверх, а я загибаюсь от смеха.

Глава 18.

Боже... Это будет очень весело. Мне можно все, а ему ничего. Я могу раздеться до гола, пройтись у него перед носом, а ему даже прикоснуться будет нельзя.

Никита поднимается медленно, расстегивая запахнутый пиджак, почти до второго этажа. А я люблю его упругим задом, думая только о том, что делаю это впервые. Но вдруг замечаю, что мышцы перестали сокращаться, а объект насмешки тормозит, опускает руки в карман и поворачивает голову, осматривая меня с ног до головы. И мой звонкий смех тут же застревает в горле.

Так уж дорога ему машина?

Он разворачивается полностью и словно всадник апокалипсиса срывается вниз, а я невольно пачусь. Черт... Разворачиваюсь и бегу на кухню.

— Иди сюда! – он настигает меня у стола, на который влезаю, скольжу по поверхности. Но он успевает схватить платье, и тонкая ткань с треском рвется.

По ягодице хлещет струя воздуха, и я падаю на пол, успеваю подняться и продолжаю бежать. За спиной топот, горячее дыхание и почти сто килограмм живого тестостерона. И пусть я хочу обернуться и столкнуться с этой силой в сексуальной схватке, считаю безопасным закрыться в ванной. За долю секунды до того, как в нее врывается кулак.

И снова мне хорошо... Весело. Никогда я не убегала, при этом чувствуя себя в абсолютной безопасности. Ну что он мне сделает? Трахнет?

— Открой дверь!

— Уверен? — смеюсь я. — Я ведь почти голая, боюсь, ты слишком перевозбужден и опасен.

— Я могу выломать...

— Выломай, иди ко мне, трахни меня, — изображаю сирену из службы «секс по телефону».

— Дрянь. Мать про запрет отца сказала?

— О, да. Мне так жаль тебя... — смеюсь, даже не пытаюсь притворяться. Дверь тут же сотрясается от нового удара. — Так что же тебе важнее, Никита? Моя влажная... Узкая... Готовая только для тебя дырочка или права?

За дверью почти вой и новый удар, а я смотрю на порванную ткань в зеркало и вздыхаю.

Первое красивое платье на мне и уже в клочья. Только потому что кто-то не умеет держать себя в руках. И кто-то — это я. Могла ведь уйти в комнату и там вволю посмеяться.

— Судя по тому, как ты себя ведешь сегодня, уже не только для меня, — вдруг говорит Никита злым тоном, а затем раздается тишина.

Настолько оглушительная, что давит на голову. Вызывает ком в горле и невольное желание расплакаться от несправедливости. Но и унижаться оправданиями я не буду. А вздрагиваю, когда словно выстрелом он сражает меня известием:

— Завтра я уеду. Потому что в отличие от тебя мне нужна машина, чтобы работать.

Рвусь к двери, открываю, чтобы высказать этому придурку все, что думаю, но его и след простыл. Я же опираюсь на стену с выдохом и вдруг натываюсь взглядом на светленькую горничную Зину.

— Привет, — говорит она, смотря по сторонам. Хорошая девушка, главное, не пытается за Никитой волочиться. Этим она и заслужила мое доверие.

— Ты не могла бы принести мне халат? У меня платье порвалось, — прошу с улыбкой, и та со смешком кивает.

И только я надеваю его, бегу наверх, чтобы не быть замеченной хозяевами. Они уже довольно долго находились в кабинете. Замедляюсь, только когда прохожу по светло-зеленому коридору мимо комнаты Никиты.

Любопытство и похоть меня сгубят.

Смотрю по сторонам и нажимаю на золоченую ручку.

Поддается!

Боже, останови меня. Останови... Но на меня не снисходит озарение, и молния не бьет прямо в грудь, так что заглядываю внутрь.

Ликованию нет предела, и я оказываюсь в святая святых. За четыре дня я часто проходила мимо, но желания заглянуть не возникло. Теперь оно настолько сильное, что ломит мышцы. Болит в груди. Вот и рядом с Никитой такое же.

Странные чувства. Приятными не назовешь, но и без них

уже не можешь.

Продолжаю изучение пространства. Но медали, грамоты, ноутбук и плакат с сисястой блондинкой не так интересны, как шум в ванной комнате.

И сам душ слышен не так сильно, как кое-что другое.

И я иду на этот чудесный, пошло хлюпающий звук. Заглядываю в ванну.

Дыхание перехватывает от того, с какой силой и частотой Никита накачивает свой крупный, увесистый член, что стоит, дергаясь в такт движениям. Ох...И кабина практически прозрачная. И даже пара капель на стекле не мешают смотреть на то, как рука в венах напрягается.

Раз, другой. Третий. Сильнее. Сильнее. Резче.

Стискивая челюсть, упираясь другой мускулистой рукой в кафель, Никита трахает кулак с таким выражением, словно ему больно.

А мне больно смотреть и не участвовать.

И я в пьяном волнении наблюдаю, как стекают капли по этому невероятному телу, как член разбухает. Совсем скоро белые капли брызнут на стену. Укатятся вниз, как и моя возможность кончить.

Обида на неудовлетворенность в теле будит чертика. И я вспоминаю, что прошло четыре дня.

Целых четыре дня без него. Сейчас он должен такие же резкие, частые фрикции совершать во мне. Дать мне кончить, именно так, как обещал.

Так что прости, милый. Баш на баш, как говорят русские. — Смотри, руку не сотри, — говорю достаточно громко, так что он дергается, а я уже со смехом вылетаю в коридор. Бегу до спальни. Закрываю дверь и прислушиваюсь. Но к моему разочарованию не слышу топота ног.

А стою я долго, жду, когда он постучится. И на этот раз я открою, сниму с себя халат и попрошу сорвать остатки ткани с жаждущего ласки тела. Впервые за всю жизнь. Впервые мне хорошо, и даже унижения Никиты не делают мне больно. Потому что в нем говорит максимализм, который со временем обязательно уйдет. Он поймет, что краски черные и белые не единственные. И тут важно понимать, как это повлияет на его отношение ко мне. Станет ли он смотреть на меня как на личность, доверять, а не ждать подвоха, потому что есть клеймо.

Жду еще минут десять, выглядываю за дверь, но коридор пуст и только внизу слышен шум моющего пылесоса. Разочарованно вздыхаю, но дверь не закрываю. Если Никита хоть раз пройдет мимо, он не устоит. А если успеет застать меня в душе....

Но не через час, не позже ночью он не появляется. И я полная волнения смыкаю глаза, только когда небо золотят солнечные лучи.

Мой график никогда не был постоянным. Иногда приходилось не спать несколько дней, иногда несколько дней можно было отсыпаться. Однажды я остановилась в одной де-

ревне и осталась, довольно долго наслаждаясь благами фермерства. Доила коров, собирала ягоды. Ровно до того момента, пока к родителям не приехал погостить сын стариков. Не знаю, где он меня видел раньше и как понял, что я из себя представляю, но уже на следующее утро меня везли к Марселю.

Я рада, что он умер. Мир хоть немного, но стал чище. Может быть даже выживет пара девушек. Может быть еще пара не станет проститутками.

Ночью мне снились сотни лиц моих коллег, они проносились мимо меня как машины на автостраде, и я уже не помню ни одну. Даже имена стерлись из памяти, как мел стирают со школьной доски.

Из всех людей именно Вася запомнилась мне настолько, что снилась в самые тяжелые моменты. Она олицетворяла счастье. Она давала надежду, что можно выбраться из самой ужасной ситуации.

И услышав с утра рев двигателя, первой мыслью было, что она приехала. Не важно зачем, просто поболтать. А потом я вспомнила о нескольких неделях и поняла, что это уезжает Никита.

Но, поднявшись с кровати и взглянув в окно, моему удивлению нет предела. Машина Никиты равняется с красным спортивным авто Камиля и резко разворачивается назад, поднимая тем самым пыль.

А в моей голове бьется импульсами только одно: «Отел-

ло», а на губах уже играет улыбка.

Глава 19.

*** Никита ***

— Да, Надя. Но ты можешь сходить на открытие этого ресторана и сама. Нет, Надя, я не обещал, что приеду. Я сказал, если получится, — говорю я с нажимом в трубку, а рукой нажимаю на горло охамевшего Камиля, чья бровь уже изогнута. — Как только освобожусь, приеду. Все.

Отключаю телефон с мыслью, что приеду точно не сегодня, потому что одному придурку ни одной тайны доверять нельзя.

— Ты что здесь забыл? — толкаю друга к его тачке, а тот только скалится. Весело ему, а у меня руки чешутся прибить кого-нибудь.

— Одну прелестную сирену. Раз она не нужна тебе, то чего добру пропадать?

— Ты совсем идиот. Решил соблазнить ее в доме моих родителей? И тебе что, шлюх мало? — почти рычу. Ох, как вмазать по этой смазливой роже хочется. Хотя надо признать, всегда хотелось. Мы и подружились после того, как чуть не убили друг друга. Он издевался над моими рисунками. Я над его матерью, что приходила в школу в таком мини, что трахнуть ее не хотел разве что первоклассник.

— Таких, как твоя шоколадка, у меня еще не было...

— Почему шоколадка, — не понимаю и отпускаю. Потому

что уже из дома выходит мама.

— Шоколадка Аленка, — усмехается Камиль, и я закрываю глаза. — Ты же не хочешь рассказывать, какая она в сексе, придется узнавать самому. Нет, конечно, я не трону, если она твоя?

Он внимательно смотрит на меня и ждет ответа, а я вспоминаю идеальную грудь с розовыми сосками и талию, что почти помещается в руках, и хочется крикнуть: «Моя». Только вот гложет вопрос, а скольким мужикам так захотелось закричать?

Качаю головой, и Камиль довольный кивает.

— Вот и иди трахай свою невинную Надю, а я полакомлюсь Аленкой, — шипит он мне на ухо и широко улыбается маме. — Мелисса, вы как всегда неподражаемы.

— А вы как всегда нарываетесь на пощечину, — не дает она себе поцеловать руку, и я хмыкаю. В этом я с матерью согласен, но все еще злюсь, что она сказала Алене про отцовский запрет. Теперь эта дрянь будет специально меня мучать. И в доме моему члену просто небезопасно находиться.

Он слишком хорошо помнит, как хорошо Алена умеет сосать. Почти так же хорошо, как руки помнят шелк ее волос, которые она теперь словно специально не распускает.

— Мелисса, если хотите меня ударить, я буду только рад, — нарывается этот пижон и кивает на дом. — А ваша дорогая гостя уже встала?

Судя по тому, как Камиль выделил слово «дорогая», у

него член стоит со вчерашнего дня. У меня, кажется, вообще не опускается. Особенно болезненно ощущается, когда мама говорит:

— Встала и отправилась в тренажерный зал.

Словно специально. Знает, чем взять, и Камиль наверняка думает о том, о чем и я. В чем занимается Алена? Обтягивающие брючки? Шорты? Камиль оттягивает ворот и резко и расстегивает олимпийку.

— Мне как раз тоже надо подкачаться. Мелисса...

Он идет мимо мамы, совершенно бесцеремонно, а я уже ищу глазами камень, которым мог бы его остановить.

— Кажется, Камиль будет у нас частым гостем, - хмурится мама ему вслед.

— Он такими темпами будет гостем в больнице. Тоже частым, — сквозь зубы говорю я и иду за ним, но мама меня останавливает фразой:

— Зачем ты сказал ему? А если он кому-то...

— Так вышло.

Этот вопрос и меня до сих пор мучает. Но я пил, он был рядом, и я все выложил. Да у нас и секретов друг от друга не было никогда. Он, несмотря на всю свою влажность и манерность, самый верный друг, каких поискать. Проблема разве что в женщинах, он их меняет чаще чем трусы. Надо бы Алену предупредить. И напомнить, что это я за нее заплатил несколько миллионов. И что бы кто не думал, она моя. Моя, черт возьми.

Захожу в тренажерный и хочется закрыть глаза от того, как Алена шагает на эллипсоиде, выставляя свою задницу, затянутую в лосины, на показ. Словно хочет, чтобы я встал за ней и потерялся. И как же легко представить, как выгоняю Камиля, как сдираю с нее одежду, с себя и встаю сзади. Обхватываю пальцами ее руки на рычагах, языком слизываю капли пота с шеи и загоняю член до самого основания.

— Никита, — ее томный голос вырывает меня из плена порочных мыслей, и я строевым шагом приближаюсь к воркующим голубкам. — Ты вчера вроде сказал, что уезжаешь.

— Да, — только и отвечаю, скольжу по распутному лицу, пухлым губам и ниже, там, где ее тело бережно обхватывает спортивный костюм. Ревнуешь к костюму? Просто зашибись. Начни ревновать еще к ручкам, вместо которых прямо сейчас мог бы быть твой член. — И откуда такая тяга к спорту?

— Ну как же. Приехал клиент, я же должна показать себя в наиболее выгодном свете, — улыбается она Камилю, а мне оплеухой это выражение стереть хочется. Сука...

Делаю шаг вперед, хочу содрать ее с тренажёра и увести в раздевалку и там напомнить, кто ее настоящий и единственный клиент.

— Алена, — неожиданно ласково говорит Камиль, и я напрягаюсь, потому что такой голос у него, когда он разговаривает с моей сестрой. — Я на самом деле приехал извиниться. Вчера я не сдержался. Никита случайно проболтался о тебе.

А увидев, что ты за прекрасное видение, решил, что должен познакомиться.

— Не слишком удачно...

— Полностью согласен, — тянется он к волосам и чешет затылок, а меня от его приторности уже тошнит. — И позволь мне загладить свою вину.

Алена быстро скользит по мне взглядом, потом словно оценивает искренность Камиля. Очень надеюсь, что она не из тех, кому патоку можно в уши лить. Уж такая, как она, должна знать цену словам таких, как Камиль.

— Каким образом?

— Ты приехала в Россию. На Родину. А ничего не видела. Как насчет прогулки?

Серьезно? Алена не поведется на это.

— Ты прав, — шокирует она меня. — Сижу тут как невинная принцесса. Но мы-то с вами знаем, что я не невинна.

Она смеется вместе с Камилем, спрыгивает с тренажера.

— Но просто прогулка мне неинтересна. Есть тут, где пробежаться.

— Наша девочка, — улыбается Камиль и поворачивает голову в мою сторону, не сводя взгляда с капли пота, что так и норовит стечь в декольте. Знаю, потому что сам туда смотрю. Дерьмо... — У тебя же будет спортивная форма?

— Для тебя только мышьяк.

— Добрый друг, — смеется Камиль и кивает Алене. — Есть такое место. Там ровно и лесок рядом, чтобы голову не за-

печь.

И чтобы уложить тебя прямо там.

— Тогда я переоденусь в шорты и можем выдвигаться, — растягивает она свои блядские губы и проходит мимо Камилля, который разве что не облизнулся.

Слюну подбери, придурок.

Я за Аленой, пока Камиль в раздевалку. Хватаю за локоть и шиплю на ухо.

— Ты же понимаешь, что он просто приударяет за тобой. Трахнуть хочет.

— Ну и что? — поворачивается она всем телом и льнет, обдавая пьянящим ароматом, так что ноги немеют, а сердце стучит где-то в горле. — Ты тоже хочешь... Но знаешь, в чем между вами разница?

— И в чем? — рукой убираю влажный локон с её лица, и она наклоняет голову, ластится как кошка. Ебать, останови это безумие.

— Ты можешь сделать это в любое время.

— Потому что купил?

— Потому что этого хочу я, — пожимает она тонкими плечами, пальчиками ведет вниз по груди, что сейчас взорвется от переизбытка дыхания, и ноготком безошибочно находит твердую головку через брюки. И я уже хватаю ее руку, прижимаю еще сильнее к себе и тянусь к губам, но она со смехом меня отталкивает. — Но работа не ждет. Папочка будет ругаться.

С этим и уходит, а я сжимаю челюсть, вбиваю кулак в стену и срываюсь. Бегу к машине, сажусь и почти сразу стартую. Правильно. Работа не ждет. У нее своя. У меня своя.

Дрянь. Шлюха. Сука. Но почему все это теряется в дымке похоти, стоит ей только ко мне притронуться. Тяну руку в карман и достаю кусок ткани.

Ночью это был повод зайти к ней. Но пройдя мимо двери несколько раз, я все-таки решил пойти к себе, а кончил в этот чертов клочок ткани. Но зачем, если один ее вид и улыбка снова сделали меня твердым.

Но судьба благосклонна и мне снова звонят, на этот раз Дэн. Мой заместитель.

— Ник, здорово. Помнишь здание, что ты присмотрел под завод?

— Ну?

— У хозяина совершенно неожиданно возникли финансовые трудности. Можем купить, если Юра даст денег.

Юра... Юра... Отец. Даже трахаться не могу, потому что все, что имею, принадлежит ему.

— Никаких отцов. Кредит возьмем.

— У кого?

— У отца Нади, — решаю я, вспоминая, что Эдуард был ко мне весьма благосклонен.

Глава 20.

*** Алена ***

— Судя по тому, что ты взяла на прогулку Аню, трахать-ся мы не будем, — замечает Камиль, когда девочка, весело прыгая, унеслась вперед, а я просто наслаждаюсь высокими деревьями, что треплет ветер, как мать волосы ребенка. Улыбаюсь небу, словно ради нас разогнавшее даже намек на тучи. Слушаю пение птиц. Здесь по крайней мере они не так орут, как в джунглях. – Алена?

— Чудеса дедукции. Где ты, говоришь, работаешь? – дарю внимание Камиллю, что идет рядом. Даже слишком близко, как будто это что-то изменит. Прочитал три правила пикапера и теперь уверен, что каждая девушка станет его. Дурак.

— У отца на фирме, — усмехается Камиль, так и не сводя с меня взгляда, хотя подозреваю, смотрит на обтянутую лайкрой грудь.

Побегать и снять избыток энергии не удалось. Аня попросилась с нами, а местность для нее слишком холмистая. Так что гуляем, скоро дойдем до карьера, где можно будет попрыгать с невысокого обрыва, позагорать, погулять по леску.

Камиль не самый лучший тур-оператор, но Анька загорелась, а я не стала сопротивляться.

— И чем ты там занимаешься помимо проверки рабо-

тоспособности секретарш, разумеется, — спрашиваю, и он снова смеется. Пока он занят, кричу Ане, что убежала она довольно далеко. Все-таки девочку слишком долго держали на коротком поводке. Это всегда чревато. А Никиту с поводка наоборот спустили, хотя предупредили, что, убегая далеко, получать еды он не будет.

Это все, разумеется, образно, но вполне верно. Я бывала в разных семьях и видела разные модели воспитания. Идеальной нет. Родители, даже самые хорошие, так или иначе становятся причиной многих психологических проблем.

Интересно, какая у Камиля?

— Алена, давай быстрее. Там так классно! Мы должны искупаться!

— Отличная идея, — стягивает Аполлон футболку, играет мышцами груди, и я невольно засматриваюсь. Вот только лишь для того, чтобы понять разницу своих ощущений между тем, когда рядом полуобнаженный Никита и Камиль. Они почти одинаковые, разве что у первого более развиты мышцы груди, а Камиль делает упор на мясистых кубиках.

Смотреть приятно, но как на статую в музее, а вот Никиту хочется потрогать. Вылизать, укусить так сильно, как хочется укусить любимого человека. Чтобы показать всю силу чувств, которую порой не можешь высказать словами.

— Нравится?

— Конечно. Мне и сотням других людей, — поднимаю я взгляд. — Но ты, кажется, забыл, сколько мужских тел я

перевидала. Мужчины для меня лишь способ заработка, но точно не предмет восхищения.

И лишь с одним это правило не работает.

— Точно. Так сколько их было?

И почему всех так интересует конкретная цифра? И что именно под ней имеется в виду.

— Ответ тебя удивит, — говорю, но снова слежу за Аней. Как близко к краю она стоит.

— Только вот не заливай мне, что мало, — хохочет он. Да что ты... — Я еще могу поверить, что твою девственность хранили достаточно долго, чтобы продать подороже. Не удивлюсь, что на каком-нибудь аукционе. Но вот в то, что не распробовали других дырок... Да ты не смотри так. Можешь убедить меня в обратном?

Могу. Только вот почему я вообще должна убеждать?

Я останавливаюсь и смотрю в холенное лицо с рьяным желанием сделать его более мужественным. Пара шрамов от женских ногтей не помешают. И все-то он знает. На все у него есть ответ.

— Все дело в том, что мы судим мир по тем порокам, которым подвержены сами, — говорю я, стараясь успокоиться. Хочется защититься, хочется закричать, что вот я не такая, как вы думаете. Но это глупость. Что, собственно, произошло? Очередная версия моей сексуальной жизни? Унижение? Попытка быть откровенным? Я оценила. Спасибо.

— Поясни, — просит Камиль, когда я отворачиваюсь и

иду за Аней. Она уже возле пруда, но без нас нырнуть не решается. Ждет нас, оборачивается и машет рукой.

— Люди религиозные. Не те, что прикрывают Богом свое дерьмо, а те, кто действительно верят в духовность. Считают, что она есть в каждом. Они ищут доброту. Люди, выросшие в грязи, ищут грязь везде и очень часто ею захлебываются. Не доверяют никому и ждут подвоха. Ты общаешься с проститутками, шлюхами, жадными до твоих денег, и будешь видеть это в каждой женщине.

— Ого, какие мудрые познания моей психологии. Только оно так и есть. Все женщины шлюхи. Только одни продают свою пизду за благополучие, а другие за пару буханок хлеба. Мне проще жить, потому что я принял это, а вот Никита верил в светлую любовь одной девочки и надеялся сохранить ее в своей памяти ангелом. Только вот реальность оказалась жестока, — зло усмехается он, жадным взглядом скользя по моим ногам.

Не хочу про Никиту. Не про него сейчас речь.

— Я надеюсь, что однажды появится в твоей жизни женщина, которая изменит твое мнение, — говорю я и поворачиваю голову к Ане. Но по телу проходит озноб, а дыхание перехватывает.

Потому что ее там нет.

— АНЯ! – кричу, как умею громко, сразу подбегая к небольшому обрыву и успеваю заметить только руку. Меня начинает колотить от страха. Вода не мой конек, плаваю пло-

хо. Но, не раздеваясь, прыгаю и сразу ныряю, слушая плеск воды рядом.

Вот только я забываю, как действует на меня глубина. Как она меня любит. Слишком часто я в ней пряталась, слишком часто она меня к себе звала.

Замечаю в мутной воде, как Камиль уже тянет Аню наверх.

Хорошо. Это очень хорошо. Но воздуха все меньше.

Я делаю рывок наверх, но воспоминания глушат разум. Раз, два, три и я вспоминаю, как плохо наверху. Там мужчины и их руки готовы разорвать мою плоть, забрать мою еще не совсем испорченную душу. В ней еще есть вера в хорошее. Но здесь так спокойно. Ласковое течение несет меня все дальше, воздуха на пару секунд, и сознание медленно уходит.

Дальше.

Дальше.

В пустоту.

Такую благодатную, что впору ей отдаться. Но вдруг в руке боль вырывает меня из глубины. Кто-то вытягивает меня из воды на песчаный.

Потом пару секунд спустя солнце, одежда липнет к коже. Мужские крики. Только вот кричит не Камиль.

— Аня... — откашливаю воду, поворачиваю голову, чтобы найти взглядом девочку, но барабанные перепонки раздражает крик:

— Два часа! Два долбанных часа, а ты их чуть не угробил!

— Это случайность! — оправдывается Камиль, насквозь мокрый, как и собственно неоткуда взявшийся Никита. Вот тебе и важная работа.

Мальчишка. Но мальчишка спас меня, и, наверное, мне надо быть благодарной.

— Твое зачатие — случайность!

— Никита! — обрываю я мужскую истерику и прошу. — В машине Камиля полотенце и сухие вещи, надо принести.

— Я схожу, — вызывается Камиль, взглядом благодарит меня и уходит. Он действительно не виноват. Никто не виноват. Иногда происходят вещи от нас независящие.

Я подлезаю к свернутой клубочком Ане, что все еще покашливает, и обнимаю ее.

— Ты как, котенок?

— Это я во всем виновата. Камушек упал, и я оступилась.

— Главное ты жива, а остальное решаемо. Верно, Никит?

Я поднимаю голову, и его напряженное лицо загораживает мне солнце. Он замер статуей и не может двинуться. И слова сказать. С чего бы это?

— Никита?

— Все решаемо, ты права. Я вспылil, прости, Анют, — садится он рядом на корточки, и она сразу обнимает его за шею, утыкается и начинает хныкать. Никита смотрит на меня.

— Ты не умеешь плавать?

— Умею, когда надо, — пожимаю плечами, и невольно сердце стягивает щемящей нежностью от того, как доверчиво девочка жметя к брату.

Именно так я всегда воспринимала образ Никиты. Брата, на которого можно положиться. Это порой давало силы двигаться, бежать, сражаться. Просто фантазия о мальчике, который может вот так тебя обнять. Без сексуального подтекста.

— Никита, — подает голос Аня. — Папе нельзя говорить, а то он Алёну опять ругать будет.

— Не понял. С чего бы ему ее ругать? — напрягается Никита, а мне хочется закрыть Ане рот. У них и так из-за меня отношения не очень, а если сын начнет претензии предъявлять? Опять я буду причиной?

— Аня... — предупреждающе кладу руку на детское мокрое плечико, но она продолжает.

— Папочка считает, что она плохо может на меня повлиять. И все из-за какого-то купальника. Но я не понимаю, почему? Если Алёна живет с нами, значит она хорошая?

На это, столь наивное утверждение, хочется рассмеяться. Или заплакать от умиления. Ребенок видит то, что ему показывают. Если он видит картинку, он не думает, что за ней может что-то прятаться. Судя по всему, я очень быстро перестала быть ребенком. Потому что очень быстро стала видеть за фасадом гниль.

— Ты правильно говоришь. Алёна очень хорошая, — ого-

рошивает меня Никита, потому что в глазах, обращенных на меня, ни капли фальши. Вот же. Испугался, что умру, и решил изменить свое мнение? Или испугался, что трахнуть меня не сможет больше?

Или все же видел, как бросилась за Аней? Как будто могло быть иначе...

— Полотенца, — объявляет Камиль уже более серьезный, чем десять минут назад, и я ему улыбаюсь.

— Спасибо, что спас Аню.

Глава 21.

— Ну а как иначе, — хмыкает он горделиво, и Никита бьет ему ребром ладони под коленку, так что ноги подгибаются, и он валится рядом.

— Вот теперь я верю в его искренность, — смеется Никита, и Аня подхватывает повышенный градус настроения. Бросается теперь на Камиля, а он укрывает ее полотенцем. А я беру свое, пакет с вещами и иду за выступ, чтобы переодеться.

Стоит мне укрыться, как тут же появляется Никита. Несколько взволнованный, но, кажется, раздраженный собственным состоянием.

Я, не стесняясь его, переодеваюсь. Потому что просить отворачиваться будет дольше. А после такого приключения тратить нервы не хочется. Да и нравится мне, когда он смотрит. Вот так. Это уже привычно. Удивляюсь больше, когда он берет полотенце и делает мне ширму от карьера.

— Зачем ты с ним поехала?

— А почему ты вернулся? — спрашиваю в свою очередь и, стянув мокрую футболку с лифчиком, поворачиваюсь к нему.

— Ну ведь я правильно сделал. Или тебе хочется стать русалкой?

— Разве твоя жизнь не стала бы проще? — вопросительно

поднимаю брови и стягиваю шорты с купальными трусами, смотрю снизу-вверх. Кайфую от того, к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.